

Эрнст Тальман

ПИСЬМА
ИЗ ТЮРЬМЫ
РОДНЫМ
И БЛИЗКИМ

Дорогой читатель, со страниц этого сборника с вами говорит Эрнст Тельман — неггибаемый коммунист, славный сын немецкого народа, вождь революционного класса Германии.

«Моя жизнь и труд,— писал он товарищу по тюремному заключению в Баутцене в январе 1944 г.,— были направлены только на благо трудящегося немецкого народа, моя знания, сила и опыт, моя деятельность — все существо мое было отдано борьбе за будущее Германии, за победу социализма...»

Э. Тельмана арестовали 3 марта 1933 г., одиннадцать с половиной лет сидел он в одиночных камерах разных тюрем, подвергаясь издевательствам.

В ночь с 17 на 18 августа 1944 г. фашисты, почувствовав, что конец их близок, тайно и подло убили Э. Тельмана.

ЭРНСТ ТЕЛЬМАН

ПИСЬМА ИЗ ТЮРЬМЫ РОДНЫМ И БЛИЗКИМ (1933—1937 гг.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
Москва • 1968

ЗКП(09)

Т31

ERNST THÄLMANN
BRIEFE AUS
DEM GEFÄNGNIS
AN SEINE ANGEHÖRIGEN

Institut
für Marxismus-Leninismus
beim ZK der SED

Тельман Эрнст.

Т31 Письма из тюрьмы родным и
близким. (1933—1937 гг.). М., По-
литиздат, 1968.

160 с. с илл.

1—3—2
272—67

ЗКП(09)

Настоящее издание — это первая полная публикация писем Эрнста Тельмана родным и близким, написанных в 1933—1937 гг. Спасти и сохранить их в черной ночи фашистского варварства удалось самыми различными путями в условиях величайших опасностей.

Текст писем подготовлен к печати на основе оригиналов, а если последние не сохранились, — по копиям. Неразборчивые и непонятные места, а также пропуски обозначены многоточиями. Тексты по мере необходимости обработаны в соответствии с современными нормами правописания и пунктуации. Указания мест и дат унифицированы. Сокращенные в тексте слова, как правило, воспроизведены полностью. Так как многие письма Эрнста Тельмана не пересылались фашистскими властями по адресу, он почти дословно повторял некоторые мысли в более поздних письмах. Такие одинаковые места из различных писем объединены в одном письме. Подчеркивания в тексте опущены. Редакционные примечания даются в квадратных скобках, а добавления — в приложении.

Редакторы немецкого издания:

*проф. д-р Лотар Бертольд
Шарлотта Эркслебен
Франциска Рубенс
Экхард Трюмлер*

ПРЕДИСЛОВИЕ К НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ

Эрнст Тельман для нас, граждан Германской Демократической Республики, воспринявших его духовное наследие, означает целую программу борьбы против империализма, милитаризма, фашизма и войны, за мир и власть народа; он олицетворяет важный этап в развитии Коммунистической партии Германии, на котором она становится партией нового типа, марксистско-ленинским авангардом рабочего класса; он — символ героической борьбы с самым кровавым террористическим режимом в истории, с гитлеровским фашизмом.

Таким Эрнста Тельмана знают все граждане ГДР, к какому бы поколению они ни принадлежали.

Но мы еще не знали Эрнста Тельмана таким, каким он предстает перед нами со страниц этих писем к его родным и близким. Такой Эрнст Тельман мог бы быть твоим отцом, твоим братом, твоим мужем, твоим сыном. С нами говорит Эрнст Тельман — человек, подвергающийся мукам и пыткам, совершенно изолированный от народа, но тем не менее всегда живущий в нем и с ним и пикогда в действительности не утрачивавший своих связей с народом. ✓

Палачи просчитались! Ни одиннадцать с половиной лет одиночного заключения, ни физические и душевные муки не сломали коммуниста Эрнста Тельмана.

Фашисты просчитались! Самыми зверскими и изощренными методами они не смогли подорвать мужество, стойкость и духовную силу этого героя рабочего класса. Тогда они его убили.

Но стереть память о нем в сердце народа фашистам не удалось. «Нет! Тельман не погиб, он — нации голос и сила...» Эти слова из песни выражают, кем был и остался Эрнст Тельман для немецкого народа.

Письма Эрнста Тельмана родным и близким не только подтверждают, что он оставался верным своему делу до последнего дыхания, убежденным в победе рабочего класса в Германии, в победе советского народа и в торжестве социализма во всем мире, со страниц этих писем перед нами встает живой облик Э. Тельмана; мы узнаем о его привязанности к семье и заботе о ней, о верности друзьям, любви к родине и ее природе, глубоких связях с трудовым народом, с рабочим классом и его партией, со страной социализма — Советским Союзом. «Теперь, в 1935 г., — писал он 13 января 1935 г. жене Розе, — можно говорить о «чуде» XX века, если объективно и без слепой предвзятости рассматривать развитие этой страны. Это «чудо», свершившееся в одной из прежде самых отсталых стран, стало возможным только в результате победы рабочего класса в союзе с трудовым крестьянством и интеллигенцией...»

Письма из тюрьмы семье и друзьям Тельман писал с момента ареста в 1933 г. по 1937 г., когда он прекратил писать их, протестуя против каверз гестаповцев, всячески пытавшихся задерживать его письма семье или отбирать их у родных по прочтении. О том, какое значение имели для Тельмана эти письма — последний «мост, соединяющий с внешним миром», — и чего стоили ему гнусные действия его палачей, свидетельствуют следующие строки: «Если бы я уже стал человеком, чувства которого охладели и погасли, — писал Тельман 21 октября 1935 г., — то, пожалуй, мог бы терпеть это, но во мне еще жива любовь к человеку, любовь к ближнему, которую не оградить холодной решеткой тюрьмы... В таком одиночестве человек ищет и находит самого себя, находит он и своих друзей, своих страдающих собратьев, самых верных близких ему, и пытается помочь им — хотя бы только письмами. Ведь этот голос сердца, эта любовь к людям стремятся пайти какое-то выражение...»

Настоящее издание содержит лишь легальные письма Эрнста Тельмана указанного периода, то есть письма, отправленные через тюремную администрацию его родным и близким. Ясно, что он неоднократно, вынужден был пользоваться эзоповским языком; часто нам приходится читать между строк, чтобы уяснить себе истинный смысл нпых, не без труда понимаемых высказываний.

«...Довольно трудно, — писал он 18 августа 1935 г., — писать письма, когда разрешен

лишь определенный выбор материала для них». В этом же письме он намекал на то, что «всегда существует такая опасность, что мои письма читают другие лица, не являющиеся адресатами, независимо от того, даю ли я повод к этому и оказываю ли на это влияние...»

Как пример его исключительно умной тактики «легального» выражения своих мыслей можно привести письмо от 15 ноября 1935 г. В нем он рассказывал (кстати, всего через три месяца после написания только что цитированных строк), как складываются легенды. В самом конце письма и как бы между прочим он разоблачал слухи, распространявшиеся о нем нацистами, и предупреждал, сколь опасны эти средневековые, однако применяющиеся также в XX столетии, и в особенности в последнее время, методы и небывальщизны.

В течение всего времени пребывания Тельмана в заключении между ним и руководством КПГ поддерживалась связь, осуществлявшаяся прежде всего через жену Розу и дочь Ирму, которые, рискуя жизнью, передавали необходимые сведения, корреспонденцию и т. д.

Читая эти письма, нельзя забывать, что информацию о текущих событиях Эрнст Тельман вынужден был черпать в основном из фашистской прессы. В упомянутом письме от 13 января 1935 г. он отмечал, что в анализе и оценках развития событий основывался на «газетных материалах, которые я с большим трудом собрал, сопоставил и проработал».

Само собой разумеется, что в таких условиях отдельные данные или суждения не всегда могли соответствовать действительности. Однако для нас не столь важно, насколько использованные им статистические данные и материалы того времени выдерживают научную критику. Для нас гораздо важнее познакомиться с примерами прямо-таки мастерского анализа развития событий, который он давал, несмотря на условия строжайшей изоляции, недостаточность, а зачастую и ложность информации, имевшейся в его распоряжении.

Кроме всем тяготам добавлялись моральные мучения: изоляция, унижения, тюремный режим. Постепенно подрывалось его здоровье в результате истязаний и нечеловеческих условий жизни на протяжении всех одиннадцати с половиной лет, которые он провел в тесной камере, не имея возможности работать физически, почти без движения. Из донесений явствует, что состояние здоровья Эрнста Тельмана с лета 1936 г. стало значительно ухудшаться. Он очень страдал от высокого давления, сильных головных болей и мучительных желудочно-кишечных заболеваний.

Жизнь Тельмана в тюрьме, полная страданий, находит отражение в письмах, и, читая их, мы переживаем, потрясенные и полные глубокого восхищения, героическую борьбу этого коммуниста с подкрадывающимися приступами депрессии и апатии, борьбу за свое человеческое достоинство. Мы ощущаем несокрушимость его пролетарского классового самосознания. Беспремерна моральная и по-

литическая сила Эрнста Тельмана, который, несмотря на все свои страдания и провокации врагов, не сдаётся и в условиях строжайшей изоляции принимает участие в политической и духовной жизни. Он интересуется политическими событиями в Германии и во всем мире, проблемами стратегии и тактики коммунистической партии, идеологическими вопросами, а также самыми различными областями науки и искусства.

Эрнст Тельман настойчиво борется за проведение судебного процесса, за возможность защищать свое мировоззрение и политику коммунистической партии. ✓

Самоотверженную поддержку оказывает ему верная соратница Роза, которая на протяжении долгих лет неутомимо, всеми силами помогает Э. Тельману. По его просьбам она предпринимает все, чтобы найти наиболее подходящих для него защитников. И Эрнст Тельман благодарен ей за эту неустанную помощь. «Ты мне уже сказала, — пишет он 24 октября 1934 г., — что писала 20—25 адвокатам, в том числе и нескольким из Берлина, в надежде, что найдутся такие, которые согласятся меня защищать... Прости меня, что я предъявляю к тебе такие требования... Процесс явится для меня моментом, означающим определенный, решающий поворот в моей жизни».

✓ Однако фашисты пускают в ход все средства, стремясь предотвратить процесс. Они боятся, что он будет повторением процесса Димитрова и вновь разоблачит перед всем миром их политическое и моральное гангстерство. ✓

Борющийся до самой смерти — таким был Эрнст Тельман! До последнего мгновения он остается убежденным марксистом-ленинцем, верным делу рабочего класса: «Тот, кто здесь безутешно и беспомощно покоряется «неизбежной» участи, тот уже погиб, он постепенно будет все больше терять силу духа и воли, — пишет он 17 июня 1936 г. — А тот, кто к тому же, подобно мне, оказывается оторванным от бьющей ключом, многообразной жизни, какую я вел на протяжении десятилетий в неустанной и тяжелой борьбе и которая вошла в мою плоть и кровь, — тот только тогда сможет победно противостоять обстановке тюремной жизни и ее воздействию на психику, если он смело выступит против неотвратимого и неизбежного. Ибо и эта судьба — героическая, она также составляет жизнь, а для меня жизнь всегда была борьбой».

При чтении этих писем особенно сильно ощущаешь тот факт, что политическую деятельность марксиста-ленинца нельзя рассматривать в отрыве от его личной жизни. В письмах находит отражение гармоническое единство общественной и личной жизни борца-коммуниста.

Мы чувствуем глубокое единение между Эрнстом Тельманом и его женой и соратницей в жизненной борьбе Розой, которой он даже в самые тяжелые моменты своей жизни шлет слова утешения и оказывает моральную поддержку. «Можешь мне поверить, что я вместе с тобой чувствую твои страдания, так же как и ты постоянно переживаешь за мою судь-

бу», — пишет он 3 марта 1937 г. И 22 марта того же года: «Мы с тобой давно привыкли все делить друг с другом, будь то горе, будь то радость... В результате таких взаимоотношений супругов, при которых один дополняет и обогащает другого и каждый одновременно дает и берет, возникает то подлинное взаимное единение, которое не может быть достигнуто лишь в результате совместной жизни. Нужно самому испытать это, чтобы знать, как сильно влияет такой брак, как много дает он нам, какая сила вырастает в нас благодаря ему...»

Не менее велика любовь Эрнста Тельмана к дочери Ирме, забота о ее развитии и воспитании, участвовать в котором он мог, к своему великому сожалению, лишь в очень ограниченной степени. 14 июля 1936 г. он пишет своему шуруну о том, что в свои лучшие юношеские годы она живет без отца, который мог бы «непосредственно участвовать и помогать в воспитании, правда, если не считать писем, которые я посылал из тюрьмы и которые оказали большое влияние на воспитание и формирование характера».

Глубокая привязанность Эрнста Тельмана к родительскому дому и прежде всего любовь к отцу, смерть которого наполняет его сердце жестокой болью, снова и снова находит выражение в его письмах, особенно в письмах к другу отца Рудольфу. Скорбь по утрате сочетается с безграничной тоской по любимой родине, по природе, с которой его разлучили, по свободе, которой его лишили, бросив в тюрьму без всякого приговора.

18 августа 1935 г. он пишет: «Ничто не может стереть в памяти красок родного края, заглушить его музыку, заменить его картины, ничто не может заставить забыть жизнь на родине».

Родина — это не только просторы, это вместе с тем и прежде всего люди, гамбургские рабочие. Родина — это его товарищи, это весь трудовой немецкий народ. «...Этот огромный опыт, эти бесценные сокровища мы накапливали не в отрыве от жизни и труда народа, а в самой гуще повседневной жизни трудового народа, в потоке жизни мы учились самостоятельно плавать...» — пишет он 22 марта 1937 г.

В черной ночи фашизма люди не забывают Эрнста Тельмана. Трудно сосчитать те письма и открытки с выражениями симпатии и солидарности, которые посылали ему люди и которые гестаповцы не пропускали. С именем Эрнста Тельмана на устах шли на смерть мужественные антифашисты; имя Эрнста Тельмана носила Интернациональная бригада, сражавшаяся в Испании.

Неразрывная связь Эрнста Тельмана с антифашистским движением во всем мире, уверенность в стойкости и верности своих друзей и товарищей по борьбе, судьба которых его глубоко волновала, придавали Тельману все новые силы, чтобы переносить тяжелую участь. Так, он пишет 26 января 1936 г. Рудольфу: «...И если к тому же судьба особенно благосклонна к человеку и хочет одарить его величайшим счастьем на свете, она дает ему верных друзей. Я часто радуюсь от всего

сердца, сознавая, что связан прочными узами с такими верными-верными людьми. Ценность этой нерушимой верности проявляется в высшей мере особенно во времена суровых испытаний...» А 20 мая 1935 г. он пишет жене Розе: «Я глубоко восхищаюсь твоим безграничным мужеством, с которым ты постоянно пытаешься ободрить и поддержать меня... Твои письма намного облегчают мою судьбу, дают мне больше спокойствия и силы, чем ты предполагаешь».

Верность и благодарность семье и друзьям, товарищам по борьбе, партии, верность самому себе и своей цели, верность борьбе, которой он постоянно отдает всего себя,— таков светлый образ Эрнста Тельмана, встающий перед нами со страниц его писем родным и близким.

Франциска Рубенс

Я ВЕРЮ В ТОРЖЕСТВО
ПРАВДЫ...

Письмо от 20 мая 1935 г.

Берлин, 8 марта 1933 г.

Моя дорогая Роза!

Меня арестовали здесь 3.III. Со здоровьем у меня хорошо, а в остальном нужно продержаться. Ведь до сих пор вся моя жизнь была борьбой и будет такой до самой смерти.

Вспоминаю бурные и тяжелые военные годы, которые мне довелось пережить на фронте, а тебе — на родине.

Я состою «под крайним подозрением в совершении действия, караемого на основании §§ 81—86 уголовного кодекса». Далее говорится: «в интересах общественной безопасности Вы подлежите заключению под полицейский арест впредь до особого распоряжения»¹.

Было бы хорошо, если бы ты поставила в известность адвоката Хегевинша и поговорила с ним о возбужденном против меня деле.

Я уже неоднократно обращался к Курту Розенфельду из Берлина.

Деньги, которые были при мне... включая мои последние заработки, здесь конфиско-

¹ По-видимому, Э. Тельман цитирует приказ об аресте.— *Прим. перев.*

вали. Поэтому я не смог передать причитающуюся тебе сумму, а также деньги для тестя и моего отца. Я уже пытался переслать их тебе отсюда, но не знаю, удастся ли это сделать быстро.

Как поживает маленькая Ирма? Она должна мужественно и смело противостоять всем нападкам, которым неизбежно подвергнется в школе.

Революционные приветы тестю и отцу. Навести стариков в ближайшие дни.

Пришли мне, пожалуйста, «Фремденблатт». До сих пор я не получил еще ни одной газеты.

Как долго я пробуду здесь, не знаю. Конечно, отсюда меня скоро переведут в какое-нибудь другое место.

Революционные приветы всем друзьям.
С революционным приветом всем.

Твой любящий *Эрист*.

Рот-фронт маленькой Ирме и старикам.
Напиши еще.

Берлин, 18 марта 1933 г.

Моя дорогая Роза!

Твое письмо от 10 и 14.III получил вчера с огромной радостью. Прошло уже 14 дней, как я нахожусь у отца Филиппа¹. Когда наступят последние 14 дней, которые возвестят

¹ Под строгим арестом (разг.).— *Прим. перев.*

свободу? Пройдет много-много времени... А пока ясно только одно: кто борется за идею, за великую и могучую идею, тот должен уметь спокойно, сознательно и, как подобает честному революционеру, с величайшим упорством переносить все страдания в этой неизбежной борьбе. Ведь трудящееся человечество, прежде всего пролетариат, еще будет судить и решать, кто действительно принесет Германии национальное освобождение.

Эти 14 дней были довольно тягостными: у меня не было газет, почти не было возможности писать, не было денег на почтовые расходы, нечего курить и ни пфеннига для покупок. Тем не менее я кое-как перебивался, утешаясь здешней библиотекой, оставляющей желать лучшего. Но иногда ведь и самое скудное оказывается лучшим, как это частенько бывало с сушеными овощами во время войны.

Однако возвращаюсь к твоему письму. Кстати, мое письмо ты получила быстро; это меня удивляет, поскольку в остальном здесь все очень «мило» доходит до назначения. Надо приветствовать, конечно, что у тебя, по крайней мере, все хорошо. Последний адрес я указал неверно, так как, по-видимому, неправильно понял здешнего чиновника. Пожалуй, поэтому я и не получил от тебя еще ни одной газеты.

Денег мне пока не выдают, ответа на свое заявление я не получил. Особенно не надейся, что из этих денег ты что-нибудь получишь; пожалуй, это окажется возможным только на основании гражданского иска.

Может быть, наш друг, с которым мы однажды на троицу совершили четырехдневное путешествие, сможет прислать сюда небольшую сумму денег. Тебе, наверное, снова придется идти работать, хотя при твоём здоровье это уж очень тяжело. Маленькая Ирма просто забавна со своими простодушными замечаниями.

Сегодня написал письмо своему отцу. Хегвиш тоже получил от меня письмо 10.III, примерно одновременно с твоим. Ответа от него до сих пор еще не получил. Свидания здесь не разрешаются.

Содержание твоего письма меня очень обрадовало. Оставайся отважной и смелой, а я и здесь остаюсь таким же, потому что снова и снова сознаю, что боролся за светлую и верную идею.

С революционным приветом тебе, Ирме и тестю.

Привет всем друзьям.

Берлин, 18 марта 1933 г.

Мой дорогой отец!

Роза только что сообщила мне, что была у тебя и пашла тебя не совсем здоровым. Ну что же, это постепенно дает о себе знать приближающаяся старость. Деньги, которые были при мне, у меня просто отобрали, так что я не смог помочь тебе некоторой суммой.

Прошло уже две недели, как я здесь, а когда же наступят последние?.. Постепенно

я свыкаюсь с одиночеством. Что говорят мои друзья? Как реагируют так называемые враги?

Посмотрим, приведет ли миллионы людей то опьянение победой, в котором они сейчас находятся, к лучшей жизни и иному будущему. Мы, коммунисты, всегда мыслящие реально, конкретно и при этом диалектически, придерживаемся другой точки зрения. Мы знаем: дать миллионам людей работу, хлеб и свободу капитализм не может. Принести Германии, то есть трудовой Германии, социальное и национальное освобождение от проклятых цепей версальской системы германский капитализм, опутанный международными связями, не может; создать упорядоченную государственную систему, уничтожив всякую коррупцию, чего хотят миллионы людей, германскому капитализму тоже не удастся. И многое другое, что сейчас так красиво расписывают и обещают, надо будет когда-нибудь осуществлять на практике...

Надеюсь, что твое здоровье улучшится. Теперь же старайся как-нибудь продержаться. Помогать тебе отсюда мне будет очень трудно. Но ты не унывай и высоко держи голову, а я и здесь буду делать то же самое и продолжать мужественно и смело бороться за свое дело.

С революционным приветом
твоей любящий сын Эрнст.
Приветы всем друзьям.

Берлин, 25 марта 1933 г.

Моя дорогая Роза!

Твое письмо от 21.III и письмо отца от 16.III только что получил с огромной радостью. Прежде всего, подтверждаю получение газет, из которых лишь некоторые затерялись. Что касается печатных материалов, то думаю, что ты можешь сэкономить на пересылке по почте¹, так как письмо в Берлин стоит, как известно, 12 пфеннигов.

Господин советник прокуратуры д-р Миттельбах по моему ходатайству перевел для меня в кассу 20 марок и, кроме того, в ответ на мое письменное заявление сообщил, что из денег, конфискованных у меня при аресте, 30 марок должны быть переведены тебе. Все-таки небольшой результат моих непрекращающихся усилий.

На второй странице твоего письма здесь зачеркнули некоторые места, которые я уже не могу прочесть. Особенно приятно, что Ирма перешла в последний класс. Из ее строк видно, что она начинает становиться все более самостоятельной и спокойно, трезво оценивает создавшееся положение.

Из газет совершенно ясно, какие насильственные изменения произошли в Германии за эти несколько недель... В будущем многие из тех, кто сегодня этого еще не понимает,

¹ Пересылка по почте печатных материалов открытыми бандеролями стоила дешевле, чем пересылка закрытых писем того же веса.— *Прим. перев.*

увидят, куда приведет так называемая «национальная революция».

Вместе со многими-многими другими политическими заключенными я держусь уверенно и мужественно, удовлетворен и вижу заслугу в том, что никогда не руководствовался материальными соображениями и собственной выгодой, а всегда неуклонно боролся за нашу идею. Газеты разносят обо мне по всему миру самые невероятные слухи. Несколько газетных корреспондентов и один иностранец, который хочет еще специально написать тебе, уже побывали здесь и у меня лично спрашивались о моих делах. Чувствую себя хорошо, поскольку всегда ведь был очень крепким. О том, как провожу время, и обо всех событиях, происходящих здесь, в полицейской тюрьме, подробнее писать не могу. Но подчеркиваю, что для какого-либо беспокойства с твоей стороны пока нет никаких оснований.

Горячо поздравляю тебя с днем 43-летия и желаю тебе в этот день всего только самого лучшего, насколько это возможно при недостатке средств.

Сердечные и революционные приветы тебе, Ирме, тестю и всем остальным
от твоего не забывающего вас *Эрнста*.

Мой адрес: Берлин, полицей-президиум, Александерштрассе, 5/6, камера 32.

■

Берлин, 25 марта 1933 г.

Мой дорогой отец!

Получить от тебя несколько строк было для меня неописуемой радостью. Все слухи, распространяемые прессой о том, что якобы произошло со мной здесь, не соответствуют фактам. Я здоров, а подробнее писать на волю о жизни в полицейской тюрьме не могу, так как в таком случае письма не будут отосланы.

Всем товарищам по школе и друзьям, которые подбадривают и поддерживают меня, передай особый привет и скажи им, что их пожелания еще больше укрепляют мои силы.

С твоим здоровьем, кажется, все еще благополучно. Теперь и для тебя наступят очень трудные дни, поскольку тебе не у кого найти помощь и поддержку.

Переноси и ты свои страдания, как я здесь, с нестигаемым мужеством. Я хоть и лишен свободы, но смело смотрю в будущее. Свое предварительное заключение перепишу с величайшим хладнокровием и наряду с само собой разумеющимися обязанностями, которые у меня здесь имеются, занимаюсь чтением книг. Если у тебя есть такие друзья, которые могли бы бесплатно предоставлять в мое пользование книги и романы, не имеющие особой политической окраски, то я позволю себе высказать такое пожелание. Не забудь, 27 марта день рождения Розы.

Нынешний переворот в Германии, насколько я сужу по газетам, выявляет при-

знаки курса на дальнейшую фашизацию страны. Я вовсе не собираюсь как-нибудь оправдывать или же прославлять прошлое. Однако многие миллионы людей, которые сегодня восторженно приветствуют это развитие событий, еще не раз задумаются над тем, как могло случиться, что они столь поспешно оказались охваченными энтузиазмом такого рода. Но только история и сами факты смогут вразумить их...

Это предварительное заключение возможно продлится еще довольно долго. Но главное состоит в том, чтобы все вы были живы и здоровы и по-прежнему держались мужественно.

Мой адрес: Берлин, полицей-президентум, Александерштрассе, 5/6, камера 32.

В ожидании, что эти строки застанут тебя поправившимся, шлет тебе сердечный и революционный привет

твой сын Эрнст.

Берлин, 8 апреля 1933 г.

Мой дорогой отец!

Твое письмо от 29.III получил с сердечной благодарностью. Кроме того, обе твои посылки с 7 книгами пришли быстро и точно. Когда прочту книги, отошлю их тебе обратно. Для меня было неопишуемой радостью, что ты сразу же выполнил мою просьбу. Вот уже пятая неделя, как я здесь в одиночной камере, а перспектив на изменение положения пока что нет.

Фальсификации и слухи относительно моей личности нескоряемы. К сожалению, здесь я вынужден мириться с искажениями истины в общественном мнении, как это мне не раз уже приходилось делать и раньше... Я имею в виду различные биографии... и не в последнюю очередь недавние лживые слухи: «самоубийство»... «смещен с руководства Москвой»... К сожалению, я, испытывая физическое отвращение к подобной клевете, не имею возможности выступить перед общественностью. Здоровый дух, уверенность в будущем — вот в чем моя сила, вот что постоянно вселяет в меня новое мужество.

На второй странице твоего письма цензура кое-что зачеркнула, и я не мог прочесть. Видимо, почтовые марки пришли вместе с письмом (об этом здесь не сообщают), 4 листа бумаги и конверты получил.

Я буду стараться не писать о положении в Германии, так как мне нельзя свободно высказывать свое мнение, а отдельные детали не могут прояснить сути дела. Шлю тебе к дню рождения, 11 апреля, самые горячие сердечные поздравления и надеюсь, что ты еще долго будешь встречать этот день здоровым и бодрым, увидишь и день моего освобождения. С этими чувствами и надеждой, мужественно и смело глядя вперед, в будущее, передаю привет всем друзьям, знакомым и бывшим школьным товарищам.

Если 11 апреля у тебя будет Роза, то скажи ей, пожалуйста, что номера «Фремден-блатт» за 29.III—1.IV сюда не поступили.

Вчера я получил номер от 5.IV. Может быть, если не было других причин, те номера не дошли из-за плохой упаковки?

Здоровый и бодрый, остаюсь с самым сердечным и искренним приветом

твой любящий сын *Эрнст*.

Берлин, 24 апреля 1933 г.

Моя дорогая Роза!

Твое письмо от 9.IV и посылку ко дню рождения (они пришли уже 13.IV) получил с большой радостью. Из Гамбурга мне прислали более 60 поздравительных открыток. Из остальных городов страны мне почему-то не передали ни одной открытки, даже из Берлина...

Твоя газета для меня здесь — единственный источник информации о существующем положении. Поэтому тем более неприятно, что снова 2 номера где-то застряли. Номера за среду, 19-ое, и четверг, 20-ое, получились, а номер за вторник, 18-ое, пропал. При отправке из Гамбурга целесообразно, пожалуй, перевязывать газету крест-накрест маленькой, тонкой бечевкой; благодаря этому адрес на газете сохранится и так легко не порвется. Но газета всегда должна быть видна. Ты пишешь, что 22.III послала деньги. До сих пор я не получил почтового извещения. Узнай, пожалуйста, на почте, отосланы ли деньги. То же самое с обещанными мне 20 марками, которые где-то здесь застряли. К счастью, ты

получила 30 марок. Наша Ирма... должна была перейти в другую школу. Очень хорошо, что ее школьные подруги протестовали и добились, чтобы она осталась в школе.

Своему письму от 13.IV я придаю очень большое значение, потому что набрался мужества, решимости и изложил в нем без обиняков все, что думаю о своем положении...

У меня ни с кем больше нет связи, не считая адвокатов... Человек, исполненный чувства собственного достоинства, не отказывается от своих действий. Добро и истину, если они однажды пустили корни, можно, конечно, преследовать, но нельзя подавить надолго... Итак, утешай себя вместе со многими-многими женщинами, которые вынуждены переживать нынешнее время вдали от своих мужей, кормильцев и любимых.

Пусть Ирма не беспокоится за своего отца и смело, мужественно продолжает учиться.

Тебе, Ирме и деду

шлет привет никогда не забывающий вас
Эрнст.

Привет всем родным и знакомым и большое спасибо за их поздравления.

Берлин, 1 мая 1933 г.

Мой дорогой отец!

Сегодня, в этот знаменательный день, богатый историческими воспоминаниями, шлю революционный привет тебе, моей Розе, Ирме, всем знакомым и друзьям. Для борца за сво-

боду не позор и бесчестье, если в этот день он, как и многие тысячи других борцов, лишен свободы. Подобно тому, как иногда лучи солнца упорно пробиваются сквозь мрачные тучи, закрывающие его, и в конце концов все озаряют светом, так справедливость и правда всегда будут продвигаться вперед и прокладывать новые пути в будущее.

Каждый, кто честно стремился исполнить свой долг, имеет и сегодня право на уважение. Сознание, что не делал ничего беспринципного и преступного, а также мужество, выдержка и надежда... служат мне здесь прочной опорой, помогают легче проводить порой ужасно монотонные часы в полнейшей изоляции.

С огромной душевной радостью получил твои письма от 4.IV, 13.IV и 22.IV. Хочу совсем кратко ответить на некоторые вопросы, которые ты задаешь. Что касается содержания писем к вам, то я ограничен недостатком времени, а силой действующих здесь предписаний. Поэтому я еще не ответил на оба письма друга Рудольфа. Может быть, дружеский и сердечный привет доставит ему душевное удовлетворение.

Получил все указанные книги, марки, бумагу и конверты. Как только прочту книги, сразу же отошлю их тебе обратно. Пока у меня есть что читать, а значит, мое времяпрепровождение будет заполнено еще довольно надолго. Так что подожди присылать новые книги, пока я не верну часть этих. Меня очень радует предложение, чтобы я сообщал тебе о своих особых пожеланиях.

Когда мне понадобится что-либо, я без стеснений сообщу тебе об этом в письме. В настоящее время у меня все есть, в том числе достаточно курева и еды.

Ко дню рождения я получил около 100 открыток только из одного моего родного города. Конечно, все с большим опозданием, но радость от этого не меньше. Из остальных городов Германии открыток мне не передали... Передай всем друзьям и школьным товарищам самую искреннюю благодарность за их поздравления. Твоя открытка была, конечно, особенно приятной и интересной.

Несколько замечаний относительно поездки Розы в Берлин. Я полностью разделяю твое мнение по этому вопросу. Первое чувство неопишуемой радости при ее появлении омрачится прощанием, которое будет и для меня нелегким. Неизбежное расставание после такой короткой встречи будет для нас обоих очень тяжелым. Для меня особенно, поскольку я сижу здесь один и буду неизбежно все время вспоминать об этом счастливом моменте встречи. Пока мое здоровье вне опасности, нет такой острой необходимости в свидании. Итак, попытайся утешить и успокоить Розу, в том числе и с помощью тех веских аргументов, которые ты привел в своем последнем письме. Поживем, увидим. Человек без надежды — все равно что корабль без якоря. Я тронут тем пониманием и утешением, которое ты выражаешь в своем последнем письме. Недавно я заказал еще одну берлинскую газету, поскольку в кассе пока есть для меня деньги.

Еще привет всем знакомым и друзьям.

Остаюсь с самым горячим сердечным приветом

твой любящий сын Эрнст.

Привет Ирме и Розе.

Эрнст Тельман
(Заключенный Б. I № 1330)

Берлин, 23 мая 1933 г.

Моя дорогая Роза!

Сегодня утром меня перевели в тюрьму для подсудимых заключенных, в Альт-Моабит. Посланное мною 20.III письмо с особой просьбой к господину верховному прокурору в Лейпциг, вероятно, ускорило этот перевод в следственную тюрьму. Теперь, по крайней мере, сделан шаг вперед в судебном расследовании моего дела.

Перевели меня очень быстро, в течение одного часа. Здесь опять-таки совершенно иные правила и предписания, чем в полицей-президентуре. Надеюсь, что одновременно были переведены и мои деньги, так что я смогу ежедневно заказывать газеты, как это было в полицей-президентуре. В условиях происходящего ныне крупного переворота необходимо каждый день внимательно читать газеты. Вечернюю гамбургскую газету за субботу я получил еще там. Может быть, берлинское почтовое отделение перешлет сюда всю почту, которая покамест поступает в по-

лицей-президиум. Только что узнал, что со стиркой белья здесь дело обстоит гораздо хуже. Если мне откроют частный кредит, то белье будут стирать здесь же, в тюрьме... Пока что чистого белья у меня здесь еще на несколько недель. Для выполнения всех этих необходимых мелких дел мне было бы желательно твое содействие. Если господин адвокат, которому я тоже сразу же сообщил о моем переводе, получит разрешение на свидание, то ты будешь избавлена от многих хлопот.

Доверенность, которую я 20.III отослал господину Хегевишу, мне выдали еще там в субботу после обеда.

К сожалению, за все это время я так и не увидел нашу Ирму, хотя мы и договаривались, что я ее увижу, в том случае, если мое предварительное заключение затянется на некоторое время. Шлю ей этим письмом особенно сердечный привет.

Мой отец определенно будет поражен тем, что меня неожиданно перевели сюда.

Камера у меня чистая, но опять одиночная.

Не знаю, действительно ли еще твое прошение здесь; думаю, что нет. Чувствую себя хорошо, но смертельно скучно, еще хуже, чем там. Информируй и ты господина адвоката, чтобы он как можно скорее урегулировал некоторые вопросы. Большой привет тестю и всем родным и знакомым. Самый сердечный привет шлет тебе

твой любящий Эрнст.

Мой адрес: Берлин, NW40, Альт-Моабит, 12 а.

■

Заключенный Б. № 1330.

Берлин, 3 ноября 1933 г.

Моя дорогая Ирма!

Одинокий, изолированный, оторванный от жизни человечества, сижу я здесь и думаю в эти, наполненные глубокой печалью часы о дне твоего рождения в следующий понедельник. Ты, наверное, поймешь, почему я не шлю тебе отдельной открытки и лишь коротко и сдержанно, но от всего сердца и с величайшей любовью передаю тебе в этом письме свои горячие поздравления.

Я переживаю вместе с тобой, что в связи с внезапной смертью твоего любимого дедушки некоторые твои желания в этот день не сбылись. Но мы не должны покоряться судьбе, которая обрушивается на всех нас, а особенно на тебя в такие юные годы; мы должны быть мужественными и смелыми, несмотря на неумолимую жестокость и тяжесть этого времени. Так что в день своего рождения ты уже подумаешь о выборе своей будущей профессии... Я рад, что твой старший преподаватель, а также другие учителя так благородны, что не дают тебе, невинному ребенку, почувствовать твое положение, как это, кажется, иногда бывает в других местах.

Надеюсь, у тебя все хорошо и твой день рождения пройдет строго и спокойно.

Маминю письмо я получил вчера в половине одиннадцатого (то есть в пятницу утром). На него я еще отвечу отдельно.

Я знаю, что, хотя полицейское управление не позволило мне принять участие в похоронах моего любимого отца, вы все мысленно были со мной и думали обо мне.

Большой сердечный привет маме. Еще раз самые горячие поздравления и привет от всего сердца шлет тебе

твой любящий отец.

Берлин, 17 декабря 1933 г.

Моя дорогая Роза!

Твое милое письмо от 10.XII я получил вовремя и прочел его с огромным душевным волнением. Твои строки напоминают мне о тех счастливых, хотя и часто трудных часах, которые мы совместно пережили на Симсепштрассе. Пусть и это, быть может, самое тяжелое испытание в нашей судьбе, так же объединяет и связывает нас друг с другом, как это было всегда в нашей жизни.

Надеюсь, ты уже прочла в газете, что к рождеству передачи не принимаются...

■

Берлин, 5 апреля [1934 г.]

Моя дорогая Роза!

Твое последнее письмо от 22.III я прочел с большой радостью. Кроме того, получил к пасхе вашу открытку, открытку от Рудольфа и одну открытку из Берлина. Ты едва ли согласишься, почему я так долго молчал и не отвечал на твои последние письма. Даже мне очень трудно дать на это исчерпывающий и беспристрастный ответ. Мое молчание ни в коем случае не упрек и не обида по отношению к тебе, оно объясняется исключительно тем положением, в котором я нахожусь вот уже больше года. Беспокойство о вас, о будущем Ирмы и т. д., размышления о многом, что я пережил и сделал в последнее время, тоже способствуют тому, что я начинаю душевно страдать. При этом, сам того не желая, иногда становишься совершенно апатичным.

Пасха, праздник пробуждения природы... прошла здесь тихо, почти беззвучно. В страстную пятницу, в страстную субботу и оба дня пасхи здесь было очень спокойно, временами мертвая тишина, только иногда услышишь хлопанье форточки или глухой стук закрываемых тюремных дверей. На дворе обычное чириканье воробьев, и лишь изредка

черный дрозд пропоет свою знакомую песню. В первый день пасхи, после обеда, безоблачное небо заполонили самолеты, и их гудение, длившееся несколько часов, прервало безмолвную тишину. В самой камере полнейшее одиночество; порой в полдень маленький, безобидный и усердный паук повиснет в желтых, как колосья, лучах солнца между железными прутьями решетки и плетет свою паутину. Отрезанный почти от всех людей, подвергнутый долгой изоляции, вдали от жизни немецкого народа, живу и прозябаю я здесь.

Я знаю, что ты прекрасно понимаешь мое положение... При этом я всегда восхищаюсь тем негибимым мужеством, с которым ты, полная надежды, смотришь в будущее, спокойно и твердо переносишь многочисленные страдания, выпавшие на твою долю. Мужество, надежда и внутренняя стойкость в подобных обстоятельствах — неоценимые факторы для укрепления человеческой воли и силы. Отрадно, что ты умеешь так смело и мужественно переносить свою судьбу.

Ты получила мою открытку? Я написал ее 23.III и тем не менее не совсем своевременно. Зато в день окончания Ирмой школы неожиданный роскошный букет цветов был для тебя и особенно для Ирмы радостным сюрпризом. И я тоже потом очень радовался этому и думал, что ведь есть еще люди, готовые проявить свою благодарность. Наверное, и Ирме было очень радостно получить в подарок такие прекрасные цветы. Эту радость доставляют не только сами цветы, — любовь людей и их благодарность, о чем свидетельст-

вуют многие подарки, внушают высокое чувство душевного удовлетворения.

Деньги я получил. Самый сердечный привет нашей Ирме. Привет также тестю.

От всего сердца шлет тебе особенно большой привет

твой любящий Эрнст.

Берлин, 8 июля 1934 г.

Моя дорогая Роза!

Относительно моего письма от 1 июля мне передали в субботу 7.VII извещение господина судебного следователя такого содержания:

«Пересылка письма к Вашей супруге не разрешается, так как его содержание касается действий, в совершении которых Вы обвиняетесь».

Письмо и конверт мне не возвратили, выдали только оторванную марку без клея. Дело обстоит следующим образом:

Газета «Берлинер берзенцайтунг» от 27 июня с. г. опубликовала под заголовком «Правда о Тельмане» с по-журналистски бойким и ядовитым предисловием от редакции разъяснения господина верховного прокурора о фактическом состоянии предварительного следствия по моему делу. Кроме того, на следующий день появилась статья известного адвоката профессора д-ра Гримма из Эссена «Пронаганда с помощью правосудия» с подзаголовком «Зарубежное подстрекательство к проведению процесса Тельмана».

Тогда я в пределах предоставленных возможностей высказался по поводу обвинений, выдвинутых против меня господином верховным прокурором, подобно тому как я уже делал в разговоре с тобой в присутствии господина судебного следователя, ссылаясь на § 85. Далее я указал на то, что ведение защиты выбранным мною защитником будет иметь большое значение в этом процессе особенно потому, что он должен состояться перед «палатой народного суда». По поводу выдвинутых против меня обвинений я сделал замечания и написал больше, чем это разрешается. Так как у меня случайно еще сохранились наклейки из столовой, на которых я набросал карандашом содержание этого письма, сообщу тебе здесь его остальную часть с небольшими дополнениями, опустив те места, из-за которых отправку письма не разрешили.

Твое письмо от 15.VI получил и прочел с величайшей радостью, хотя и не во всем разобрался. Каждое известие о жизни на любимой родине, каждое новое сообщение о близких родственниках приносит мне душевное облегчение в те часы, дни, недели и месяцы, которые я вынужден... прозябать здесь. Для меня известное утешение слышать, что старик, которому через несколько дней (уже послезавтра) исполнится 77 лет, бодр и здоров. Передаю ему, хотя и с опозданием, свои самые сердечные поздравления. Надеюсь и желаю, чтобы он пережил тот день, который принесет мне свободу. Моему любимому отцу, к сожалению, не суждено уже испытать это счастье.

Получая здесь письма, я радуюсь намного больше, чем это бывало на фронте во время войны. Конечно, и тогда, вдали от любимой родины, были радостные дни, когда приходили приветы и особенно интересные сообщения. Но сравнивать то время с нынешним невозможно и неуместно уже потому, что здесь ведь мне выдают, за немногим исключением, только твои письма и открытки. На фронте тоже действовало известное ограничение права переписки, а при перемещении войск и изменении фронтовых позиций почта иногда подолгу вообще не поступала. Когда же потом она все-таки приходила, то всякий раз доставляла солдатам особенную радость. А здесь мне не выдали даже поздравительных открыток ко дню рождения, написанных моими ближайшими родственниками, не говоря уже об открытках, поступавших сюда сотнями от моих знакомых и друзей, содержание которых, как я полагаю, не может вызывать возражений.

Как поворожденный, я здесь, в Моабите, наверное, побил рекорд по количеству поступивших в мой адрес поздравлений, но мне передали только три открытки. Почему же? Да потому, что меня, как политического обвиняемого, наказывают уже на стадии предварительного следствия...

Раньше я никогда не чувствовал с такой остротой, да и не мог себе представить, что значит находиться в одиночном заключении и длительной изоляции, какое психологическое воздействие может это иногда оказывать на мыслящего человека, если он принужден

жить так годы. Для меня это новая большая жизненная школа, причем многие переживания и страдания прошлого совершенно не могут служить здесь мерилom для сравнения. Конечно, и здесь положение по временам разнообразится, например благодаря получению многих, многих новостей о событиях в Германии и во всем мире, но прежде всего в Советском Союзе; об этом я узнаю из газет, и это ободряет меня.

Технический прогресс в Советском Союзе за последнее время, несмотря на все трудности, прямо-таки колоссальный. Выплавка чугуна возросла в первой половине 1934 г. до 4910 тысяч тонн¹ против 3173 тысяч тонн за тот же период в прошлом году. Производство мартеповской стали в этом полугодии достигло 4491 тысячи тонн против 3027 тысяч тонн в первой половине 1933 г. В настоящее время в СССР действуют 112 крупных доменных печей и 298 мартеповских печей. В этом году в развитие черной металлургии будет вложено около 2 миллиардов рублей (это приблизительно 4,25 миллиарда марок на немецкие деньги). В одном из следующих писем я выведу также уровень развития производства чугуна и стали в Германии и сравню его значительный рост с ростом производства в СССР.

¹ Цифры, которыми оперировал Э. Тельман, характеризуя успехи социалистического строительства в СССР, не всегда точны. Это объясняется тем, что, находясь в фашистских застенках, он располагал крайне скудной и зачастую недостоверной информацией.— *Прим. ред.*

Отрадно, что за последнее время перспективы торговых отношений между Германией и Россией улучшились. Предоставление германской промышленности новых заказов в немалой степени облегчило и то, что с немецкой стороны были приняты дополнительные меры по расширению сбыта русской продукции, причем определенную, положительную роль в этом отношении сыграло продление немецких краткосрочных кредитов России. Пресса сообщает, в частности, что на сумму 50 миллионов Советскому Союзу должны поставяться в основном станки и что реально планируются, а отчасти уже заключены также новые торговые соглашения между Советским Союзом и отдельными немецкими фирмами. Если при этом Англия не слишком вырвется вперед, то советские заказы в Германии смогут снова приобрести большое значение, что явится источником нового подъема для гамбургского порта и судоходства.

Фотография Ирмы получилась хорошо, и видно, что она снова изрядно подросла. Надеюсь, что, несмотря на трудности, на которые ты намекала, она будет держаться мужественно в течение школьного года, даже и тогда, когда из-за ее отца с ней будут поступать несправедливо. Обе фотографии моих любимых родителей вышли хорошо и четко. Меня успокаивает и наполняет радостью то, что ты заботливо ухаживаешь за моими глазами.

Тебя, Ирму и деда много раз приветствует
ваш любящий *Эрист*.
Деньги получил с благодарностью.

■

[Берлин], 19 августа [1934 г.]

[Из письма Эрнста Тельмана жене Розе]

...Последнее письмо было от 17.VII. Открытка от Sch. W. от 18. VII и открытка Ирмы от того же числа. Как ни странно, мне выдали несколько печатных открыток с моим портретом, присланных из Америки, и одно письмо из Праги. Хотя я не смог все перевести, но все же они доставили мне радость.

У меня ничего особенного, зато тем больше новостей в Германии и во всем мире. События развиваются повсюду с такой стихийностью и быстротой, как это редко бывало в прошлом. 1934 год, судя по уже прошедшим 8 месяцам, — год сенсаций и неожиданностей, можно даже сказать, год неограниченных возможностей, особенно в области мировой экономики и мировой политики: постоянные сдвиги, изменения и переориентация сил как внутри группировок, так и между ними; клубок путаницы и заметных трудностей в мировой экономике; упорная и ожесточенная таможенная и торговая война, война за рынки сбыта, в стороне от которой скоро не останется ни одна страна; все большее осложнение в вопросах валюты и кредита; заметная неустойчивость положения на рынке денег и капиталов; волна новых расходов на вооружения и, наконец, как следствие этих разнообразных явлений, возросшая опасность войны в Азии, а также в Европе... Будем надеяться, что удастся своевременно потушить эти очаги пожара, чтобы их тлеющий

огопь не разгорелся в новое море пламени и не распространился дальше...

Редакция «ББЦ»¹ не смогла утерпеть, чтобы снова который раз не назвать мое имя (она меня все еще «любит») и не уболаготворить своих читателей фальсификациями. По поводу встречи Гитлера в моем родном городе Гамбурге газета в своем утреннем выпуске от 18.VIII 1934 г. пишет, в частности, следующее: «Путь проходил мимо дома, в котором жил Тельман, мнивший себя когда-то властителем Гамбурга, а ныне — величина, отошедшая в прошлое». Во-первых, наврано, будто бы Гитлер проезжал мимо дома, в котором находится наша квартира, так как его маршрут не проходил по Тарпенбекштрассе. Во-вторых, я никогда не страдал манией величия, чтобы возомнить себя властителем Гамбурга. Было бы хорошо и полезно, если бы этот чересчур «правдолюбивый» корреспондент позволил себе шутки ради сделать крюк, чтобы хоть раз увидеть мою скромную и простую квартиру в Гамбурге и вынести некоторое впечатление о моей «манип господства»... Как известно, у лжи короткие ноги. Я знаю одно: даже если сегодня гамбургские рабочие придерживаются иных политических взглядов, они определенно не забыли о моем простом образе жизни, о той преданности и любви, которая постоянно связывала меня с ними и которую никогда ничто не истребит. Моя верность им порождена не только любовью к общей родине, она скреплена узами соли-

¹ «Берлинер берзенцайтунг». — *Прим. перев.*

дарности в тяжком труде и глубочайшей нужде, во времена упорной борьбы, жертв и лишений, в превратностях и испытаниях жизни, которые мне так часто приходилось разделять с ними. И сегодня, когда политические настроения иные, я рассматриваю их как вчерашних братьев по труду. Меня связывают с ними такие мосты, которые нельзя взорвать, какие бы попытки к этому ни предпринимались...

[Берлин], 26 сентября 1934 г.

[Из письма Эрнста Тельмана жене Розе]

...Твои письма прочел с величайшей благодарностью... Хорошо бы немного побыть вместе с тобой на солнце и свежем воздухе! Только здесь учишься ценить, что значат для человека красоты природы. Пожалуй, никому окружающий его ландшафт не кажется таким просторным, как заключенному тюремный двор, где он на коротком пути, по которому ему разрешено ходить полчаса ежедневно, невольно отыскивает глазами все те частицы живой природы, какие только приютились на этом дворе: несколько затерявшихся среди травы цветов, медленно опадающие, ставшие желто-коричневыми листья на одиноко стоящих деревьях, воробьев, тут и там подбирающих хлебные крошки, брошенные заключенными, трудолюбивых муравьев, защищающих свою неоконченную постройку, может быть, паука, плетущего свою паутину в окне подвала. Чем уже полоска природы,

ограниченная стенами тюрьмы, тем просторнее кажется заключенному этот пейзаж тюремного двора, наслаждаться которым он может лишь полчаса на воздухе и солнце, в дождь и ветер.

В последнее время дед стал прихварывать, в его возрасте это нехороший признак. Надеюсь, мы не потеряем его так же внезапно, как это случилось с моим любимым отцом. Пусть же он остается с нами, здоровый и бодрый, еще долго-долго. Это — мое искреннее и особое пожелание.

К счастью, наша Ирма здорова и резва. Она была у зубного врача. Какое событие! Этот день нужно отметить в календаре. И не забывать его. Так постепенно желание сохранить свое здоровье побеждает детские слабости. Хорошо, что она уже осознала это. Потому что, когда берут верх сила воли и сознание, легче преодолеть многое, что раньше было почти невозможно... Так она становится самостоятельной, более сознательной, более зрелой и тем самым духовно более сильной.

Поселенцы, вместе с шурином и Ольгой, наверное, разочарованы и расстроены тем, что за их тяжелый труд с ними так бессердечно расплатились. Лишь тот, кому однажды уже приходилось самому осваивать луга, болота или другую целину, может лучше всех судить об этой огромной работе, особенно если она оказалась напрасной и безуспешной. Если бы в порядке компенсации за свою тяжкую, потребовавшую не одного месяца работу они получили новый участок поселенческой земли в П., им осталось бы по

крайней мере этим утешиться и на это надеяться. Но кто знает, сбудется ли это? Я желаю им этого!

В ответ на приветы от Гретхен и ее родителей выражаю глубочайшую благодарность. Передай им мои горячие сердечные приветы.

Относительно адвоката я уже все написал в открытке. Очень рад, что мне посчастливилось получить защитника по собственному выбору, который будет помогать мне на процессе советом и делом. Я особенно благодарен тебе за те неустанные хлопоты, которые сделали это возможным, и никогда не забуду этого.

Сестре Фриде я в ближайшее время напишу подробное письмо, чтобы успокоить ее... Если она придет к тебе, утешь ее хотя бы этим.

Деньги сегодня получил. Когда ты меня спрашиваешь, что нового, я отвечаю, что здесь не произошло ничего существенного, или, как отвечает солдат: «За время несения службы никаких происшествий не случилось!»

В Гамбурге экономическое положение не совсем благоприятно. Как и Бремен, он недавно тоже был объявлен районом, находящимся в бедственном положении. Торговля, транспорт и экспорт за последние месяцы очень сильно сократились, причем в Гамбурге они и в дальнейшем будут резко сокращаться. Последние статистические данные о числе прибывающих и отплывающих судов свидетельствуют о значительном спаде хозяйственной активности. Серьезные валютные ограни-

чения, сокращение импорта сырья, продовольствия и кормов, трудности с экспортом... обострение мирового экономического кризиса вообще и блокада, устанавливаемая и усиливаемая другими странами против вывоза главным образом готовых изделий из Германии, — таковы важнейшие факторы, оказывающие существенное отрицательное влияние на торговлю и транспорт в Гамбурге. В ближайшие месяцы влияние этих факторов, вопреки обычному оживлению в осенний и зимний сезон, будет проявляться еще больше и усиливать спад. Поэтому в Гамбурге хотят создать новые отрасли промышленности, например швейную промышленность, чтобы противодействовать растущему экономическому кризису.

Так как на листе нет больше места, приходится прервать письмо. Может быть, в следующий раз напишу об этих явлениях подробнее.

Горячий сердечный привет шлет тебе, Ирме и деду

ваш верный *Эрнст*.

[Берлин], 24 октября 1934 г.

[Из письма Эрнста Тельмана жене Розе]

...Получил открытку от нашей Ирмы из Гамбурга и твоё письмо от 10.X, чему очень рад. Особенно благодарю Лилли за её сердечные приветы. Сегодня в конце второй половины дня получил уже твою открытку от

24.X, из которой вижу, что ты напрасно за меня беспокоишься. Сегодня я написал бы это письмо и в том случае, если бы не получил твоей открытки.

Последнее свидание было для меня прямо-таки сюрпризом, так как ты неожиданно-негаданно привела с собой нашу Ирму. Когда она вошла в комнату, у меня навернулись слезы радости. Я вспомнил годы ее детства, они были такими прекрасными и спокойными. Любит ли она все так же поля и леса, где может вдоволь резвиться, любит ли по-прежнему воду, в которой может показывать свои силы в плавании? Не забыла ли еще романтику детских игр и шуток? Надеюсь, в результате этого удара судьбы она станет зрелой девушкой. А что она говорит обо мне? Понимает ли она то, что происходит? Понимает ли она все то, что произошло? Думаю, что да! Кажется, и она принимает мое дело близко к сердцу. Внешне она производит впечатление серьезной, простой и естественной. Для своего возраста она очень крупная девушка, но вместе с тем худощавая и стройная. Вот только бледная стала. Надеюсь, что она и с тобой всегда ведет себя скромно и послушно. Если так, я вполне доволен и спокоен. Твоя обязанность как матери очень велика, ведь на тебе одной лежит вся ответственность за воспитание и благополучие нашего ребенка. Думаю, что Ирма это понимает, умеет ценить и проявляет послушание. Увидевшись с ней, я почувствовал, как у меня немного согрелось сердце; мысль о том, что снова долго придется быть вдали от нее, уже

не так тяжела, ибо я знаю, что она меня понимает.

Теперь перехожу к вопросу, который хочу изложить тебе письменно еще до твоего посещения. Адвокат хотел прийти ко мне 20 октября. Но затем он в письме отказался от своего намерения, поскольку верховная прокуратура сообщила ему, как об этом пишешь и ты в своей открытке от 21.X, что в данный момент следственные акты еще не подготовлены. Однако Ваидштейнер сказал мне в понедельник, 1 октября, что имеется 20—22 папки следственных актов, которые ему необходимо просмотреть и для чего потребуется довольно много времени. В то время как просмотр следственных актов адвокатом затягивается, а момент вручения обвинительного акта все приближается, никто из нас не знает, как скоро и насколько неожиданно будет назначен процесс. Хотя мы и надеемся, что так не случится, но вполне возможно, что для подготовки к процессу у нас останется совсем мало времени. Прежде всего я опасаясь, что у гамбургского адвоката практика поглощает много времени и при наличии уже в настоящее время такого объема следственных актов окажется, что ему одному будет очень трудно изучить весь этот материал подробно и добросовестно... Поэтому, во зрелом размышлении, я обращаюсь к тебе с настоятельной просьбой: если тебе не помешают трудности с деньгами, попытайся найти еще одного адвоката для моей защиты. Считаю разумным и необходимым уже теперь поставить об этом в известность адвоката

Вандшнейдера. Ты мне уже сказала, что писала к 20—25 адвокатам, в том числе и нескольким из Берлина, в надежде, что найдутся такие, которые согласятся меня защищать. Предполагаю, что некоторые уже согласились. Больше всего я хотел бы какого-нибудь берлинского адвоката, так как он мог бы часто приходить ко мне. Надеюсь, тебе уже теперь удастся найти такого адвоката в Берлине, который изъявит готовность вместе с Вандшнейдером взять на себя мою защиту. При нынешнем правопорядке едва ли следует опасаться каких-либо препятствий допуску адвоката к защите со стороны председателя палаты народного суда, особенно в том случае, если этот адвокат допущен прокуратурой к участию в допросах обвиняемого. Совсем недавно имперский министр юстиции Гюртнер на торжественном собрании, посвященном 100-летию верховного суда в Киле, особенно подчеркнул следующие слова рейхскашцлера: «Мы выдвигаем принцип, согласно которому каждый равен перед законом и судом». Итак, будем надеяться, что этот принцип осуществляется и на практике. Адвокат, профессор д-р Гримм из Эссена, писал тогда в своей статье «Процесс Тельмана» в связи с заявлением верховного прокурора по делу Тельмана следующее: «Перед новой палатой народного суда процесс проводится также со всеми гарантиями защиты и гласности судопроизводства».

Я хотел бы сегодня просить тебя настоятельнее, чем когда-либо, оказать мне поддержку и помощь, потому что перед своей

честью я также обязан разоблачить те лживые обвинения, которые против меня выдвигаются. Процесс явится для меня моментом, означающим определенный, решающий поворот в моей жизни.

Хорошо, если бы уже в понедельник ты смогла сообщить мне радостное известие о том, что нашла еще одного адвоката, желательно из Берлина, который также согласен взять на себя мою защиту.

Прости меня, что я предъявляю к тебе такие требования, что я так быстро и неожиданно решился на это. Ведь, к сожалению, у меня нет никого другого, к кому я мог бы еще обратиться. Раньше, когда мне позволяло время, я не раз охотно облегчал твой трудный путь; теперь же, к сожалению, наоборот, тебе приходится многое делать для меня, но думаю, что ты охотно готова к этому. Тебя, Ирму и деда приветствует от всего сердца ваш любящий Эрнст.

[Вероятно, 1934 г.]

Моя дорогая, любимая Ирма!

Благодарю за твои интересные письма. Когда я читал их, мне казалось, что я вижу перед собой тебя, одаренного фантазией, непосредственного и веселого ребенка тех прошлых лет, которые я прожил на родине. Утешение, доброта, любовь, сердечное тепло, приносящее счастье,— все это наполняет твои письма и доставляет мне радость. Слова

мужества, терпения, надежды посылаешь ты мне в этот до боли мучительный тюремный мир!..

Как мне отрадно узнать от тебя, что мои отеческие советы и наставления унази на благодарную почву и уже начали приносить плоды. И несмотря на всю боль, очень радостно, когда ты пишешь, что счастлива получать от своего отца, хотя он и в заключении, эти стимулы к самовоспитанию, чтобы с пользой и успешно применять их на деле, в практической жизни..

Юношеская фантазия предъявляет большие требования к действительности, в особенности тогда, когда рассудок и фантазия действуют воедино. Пусть сад твоей беспокойной юности цветет и плоды его созревают для высоких целей. Иначе как сможет человек завоевать будущее, если он не умеет собирать для него семена из сада своего детства и юности? Внутреннее достоинство, творческие способности — вот что должна ты выбатывать в себе. Ведь не только врожденные, но и приобретенные качества создают человека. Знания, полученные в юности, — это цветы надежды, залог будущих плодов. Ни один шаг в твоей юной жизни не принесет тебе ничего в готовом виде, каждый шаг в ней требует напряжения, размышления, гибкости, стойкости. Нет успеха без усилий и труда. Сначала посеи, потом пожнешь! Практическая деятельность и творческий подход — вот лучшие учителя в школе жизни. При этом очень важно выбатывать в себе свободное самосознание, чтобы в пужный

момент быть и работать там, где это необходимо. Я вспоминаю здесь умные слова немецкого поэта Вальтера фон дер Фогельвейде: «Кто убьет льва? Кто сразит великана? Кто одолеет того или другого? Это сделает тот, кто обуздает самого себя». Важнейшей основой успешного воспитания человека является формирование его характера. Поэт как-то сказал: «Лучше пылать одним ярким пламенем, чем мерцать десятком блуждающих огоньков»... Судьба требует борьбы, она мстит за любую попытку увильнуть от борьбы, воспринимать жизнь как игру... Это пробуждает во мне новые силы и мужество, заставляет меня не оглядываться назад, а смотреть вперед с разгорающейся надеждой на то, что и для меня когда-нибудь придет новый, счастливый день...

В одном из своих писем ты верно говоришь о некоем мираже, маячащем у меня перед глазами, когда я вспоминаю о совершенных нами путешествиях, прогулках, поездках на пароходе по нашей прекрасной родине. Необычайное богатство видов природы живо встает передо мной, меня томит тоска по бескрайним далям и просторам, открывающимся за нашим родным городом, там, где Эльба широко и величественно катит свои волны в море...

Все сильные переживания, захватывающие и важные в жизни человека события оказывают влияние на его духовную жизнь, представления и сознание. Насколько глубоко и быстро они воздействуют на чувства и понимание жизни, на жизненные силы от-

дельного человека, усиливая его духовное развитие, фактически в значительной мере зависит от общительности, восприимчивости и задатков самого человека. Однако и при всем различии уровней духовного развития отдельных людей всегда остается в силе то обстоятельство, что объективные факторы в большей или меньшей степени влияют на субъективные — на развитие воли, на мысли и поступки...

Дорогая Ирма, самокритично проверяй свой жизненный путь, свои дела и цели. Такая проверка будет не только повышать твою веру в собственные силы, но и содействовать развитию воли и закалке твоего характера.

Самые сложные задачи, которые ставит перед нами жизнь, решаются не только трудом и прилежанием, к последним должно присоединяться еще и желание работать, делающее работу неотъемлемой и необходимой. Воспитание без всестороннего обогащения собственного жизненного опыта — абсурд. Возраст не всегда играет решающую роль в этом отношении.

Становиться с годами все моложе — вот истинное искусство жизни. Тот, кто искореняет свои ошибки и преодолевает недостатки, энергично и постоянно продвигаясь вперед, достигнет больших высот в своем развитии. Твое развитие, в самом высоком смысле, может оправдать себя только благодаря той силе и полноте, ясности и чистоте, с какой ты будешь формировать себя нравственно и духовно...

Твое последнее письмо побудило меня задуматься над тем, что ты и твоя дорогая мама могли бы еще сделать, чтобы познакомиться с шедеврами Шекспира не только путем внимательного чтения их, но и как-нибудь еще. Твои предложения хороши, только вот еще отдельные указания для поддержки и подтверждения. Разумеется, целесообразно не только читать самые значительные пьесы Шекспира, но и сопереживать их в театре. Внутренняя напряженность его живых картин, его типические характеры, исполненные страстей, уже сами по себе составляют предпосылки для необыкновенных переживаний в театре. Конечно, развитие театрального действия сопровождается самыми разнообразными эффектами, и в этой области возможности театра беспредельны.

Но что для нас должно быть главным? В театре мы должны изучать не то, что сделал тот или иной персонаж, а то, что сделал бы каждый при подобных обстоятельствах. Вся эта взаимосвязь выступает наглядно, когда человеческие страсти проявляются при особом стечении обстоятельств. Если мы не знаем причин, вызывающих страсть, она остается для нас чуждой, лишь ошеломляет нас даже в своих самых возвышенных проявлениях. Если мы не знакомы с условиями, определяющими развитие характера, он остается для нас загадочным, лишь удивляет нас, как некий феномен, даже в апогее своих сил. Мы должны ходить в театр с желанием увидеть отношения и судьбы других людей, как нечто чужое и тем не менее как

свое. Там показаны как звенья самой судьбы человека типические характеры, воплощенные в драматические образы, целостность личности, формы ее нравственного поведения. Чувство действительности, с которым Шекспир представил образы людей, раскрывает тесную взаимосвязь между характером, страстью, судьбой. Драмы Шекспира — это зеркало самой жизни. Они не утешают нас, но учат понимать человеческое бытие так, как ни одно другое произведение европейской литературы.

Рядом с могучим гением Шекспира следует особенно выделить нашего великого Фридриха Шиллера. Наш Шиллер — символ чистого, восторженного и возвышенного, человек, прошедший через тяжелые испытания и вышедший победителем, хотя не без ран, из борьбы с силами судьбы. Одухотворенный высокими идеалами, проникнутый живым чувством свободы и пламенным пафосом, Шиллер сыграл великую роль в истории театра, внес громадный вклад в развитие драматического и трагедийного действия, театрального искусства. С точки зрения Шиллера, борьба, разрушение, смерть столь же разумны и уместны в мире, как и счастье, свершение, созидание. И согласно основному убеждению Шиллера, в этом мире царствует гармония. Все его герои, от Карла Моора («Разбойники») и Иоанны («Орлеанская дева») до Вильгельма Телля, — великопепные и запоминающиеся, воплощение шиллеровского пророчества свободы. Массовые сцены, составляющие основу драмы, столь характер-

ные для композиции «Дон Карлоса», «Валленштейна», «Марии Стюарт» и «Вильгельма Телля», — яркие примеры его творческого искусства. Где еще могло бы театральное искусство сказать о самом себе такие гордые слова, как в «Похвале искусствам» Шиллера:

И этой жизни ширь и глубину
Перед тобой я смело разверну,
И, ознакомясь с драмой мировой,
Ты справишься с душевною борьбою.
Чей ясный взор объемлет все кругом,
Тот победил разлад в себе самом¹.

Дорогая Ирма, надеюсь, я предложил тебе достаточно материала, чтобы наглядно, увлекательно и образно показать переживания в театре, как они живо представляются мне. Переживания, вызванные развитием трагического действия этих шедевров театра, отражающих драматическую атмосферу и живое движение страстей, обладают захватывающим ритмом и могучим динамизмом, которые вновь и вновь возвышают души и возбуждают силы людей. Переживания — это источники, питающие творческий дух и многогранную деятельность человека, открывающие ему новые стороны жизни. Потрясающие переживания в театре способны зажечь свет даже в такой душе, в которой дремал мрак ночи. На этом кончаю!..

¹ Ф. Шиллер. Собр. соч., т. VII М., 1901 г. (перевод О. Чюминой).

■

[Берлин, в ноябре] 1934 г.

[Из письма Эрнста Тельмана дочери Ирме]

...Здесь, в молчаливом одиночестве тюремной камеры, вдали от любимой родины, я думаю о тебе и пишу самые сердечные, идущие из глубины души поздравления с днем твоего рождения. Вместо подарка передаю тебе это письмо. Пусть оно доставит тебе сегодня тихую радость и в то же время побудит тебя позднее спокойно подумать над его содержанием.

Ты родилась через год после мировой войны — в годину горькой нужды и тяжких забот. С самого рождения тебе не было предначертано, каким будет твой жизненный путь, так же как и сегодня никто не знает, что принесет тебе будущее! Рожденная в бедности, выросшая в тихом счастье, ты стоишь сегодня на рубеже самостоятельной жизни. Незабываемые дни твоего детства свежи в моей памяти, они встают у меня перед глазами, живым видением манят в просторы родных мест!

Я вспоминаю как счастливые, так и горькие часы, которые провел вместе с тобой и твоей мужественной матерью. В памяти оживают наши редкие прогулки по Борстелер Моор и Ан дер Альстер, спокойные, поросшие камышом и тростником воды, в которых плещутся дикие утки... В 1934 г. тебе исполняется 15 лет — невозвратимые, полные впечатлений детство и отрочество позади! Беспокойны, а порой грозны ноябрьские

дни как в природе, так и в истории! Если ты черпаешь силы из глубин родины и всегда будешь оставаться такой, какая ты есть, — прямой, сильной натурой, какой являюсь и я сам, — тогда никакой ноябрьский шторм не сможет сбить с курса твою жизнь, полную борьбы. Духовные, моральные и физические качества, привитые тебе в юности, уже не сможет вытравить никакая сила на свете; воздействие влияний, наложивших на нас в детстве определенный отпечаток, продолжается в течение всей жизни! Каждый человек получает два воспитания: одно дают ему родители, передавая свой жизненный опыт, другое, более важное, он получает, формируя себя сам. Лично пережитое и лично виденное всегда остается самой поучительной и самой лучшей школой жизни. Именно сейчас, вступая в самостоятельную жизнь, ты особенно должна помнить, что дремлющая в человеке сила духа часто проявляется во всей своей полноте лишь тогда, когда на смену школе приходит жизнь. Ребенок должен учиться не для школы, он должен учиться для жизни. Безудержная живость и шаловливость у детей очень часто является признаком богатства духовных и физических сил, которые, если их направлять и развивать, могут принести великие плоды. Нельзя требовать от посеянного семени, чтобы оно сразу же проросло и стало взрослым деревом. Самовоспитание, проводимое с неумолимой строгостью, собственные усилия на жизненном пути — вот что постепенно приведет к успеху. В жизни нужно стремиться идти вперед, так же как в по-

ходе, то есть шаг за шагом... Высшей целью человеческих стремлений является высоко- нравственный характер. Это самое благород- ное достояние человечества, только благодаря ему каждый человек приобретает истинную ценность. Гёте сказал однажды, что «характер формируется в мировом потоке». Это верно! Мы живем в такое время, когда ценность представляет только борющийся человек.

Роза говорила мне, что ты принимаешь близко к сердцу некоторые явления, что они мучают тебя и ты раздумываешь над ними. Хорошо, что ты не относишься к таким явлениям с холодным равнодушием, что ты задумываешься над ними, смело и мужественно протестуешь против любой клеветы на твоего отца. Дорогая Ирма, тебе не нужно стыдиться того, что твой отец вынужден ныне сидеть за тюремной стеной. Я плоть от плоти немецкого рабочего класса, и поэтому я его сын. Собственный опыт, собственные переживания, суровая борьба, тяжелая жизнь трудового народа были для меня самыми главными учителями в политике, теми университетами, в которых я черпал живые знания и которые помогали мне углублять эти знания. Вся моя жизнь была полна неустанным трудом и служением трудовому народу; и как рядовому активисту, и как руководителю мне довелось, подобно миллионам других людей, испытать на себе самом и на своей семье весь ужас безработицы, самому познать нужду и нищету рабочего и крестьянина-бедняка. Миллионы людей, так же как и я, голодали и боролись

за свои идеи. Черные гробы уготованы ныне многим живущим! Но человеку, на которого обрушилась судьба, не пристало унывать себя раскаянием и смиренным. Чтобы терпеливо переносить душевные страдания, требуется столько же подлинного мужества, как и для того, чтобы стойко держаться под огнем батарей. Поддаться душевным страданиям без сопротивления — все равно что покинуть поле боя, еще не будучи побежденным... Я — немец с большим международным опытом. Моя родина там, где я родился, где стоял мой родительский дом, где я провел свою юность, впитал в себя социализм и стал зрелым человеком...

■

Отправитель: Эрнст Тельман.
Следственная тюрьма Альт-Моабит, 12а.

Берлин, 13 января 1935 г.

Моя дорогая Роза!

С опозданием поздравляю с Новым годом! Желаю всем вам быть в новом году здоровыми и счастливыми! Сегодня исполняется 20 лет с того дня, когда был заключен наш необыкновенно счастливый брак. И тотчас же нас разлучила тогда мировая война. Сосредоточенно вспоминаю. Прошло 20 лет — время, полное бурь и перемен. Жизненный путь был тернистым и каменистым, а жизненная борьба суровой и тяжелой, и тем не менее мы были счастливы и довольны. Сегодня еще сильнее проявляется наша верность друг другу. Человек становится выше своей судьбы, если обладает для этого мужеством и волей. Так пусть же этот памятный день придаст нам новую волю, энергию и надежду!

Получение писем и открыток я уже подтвердил тебе в своей последней открытке. Сердечно благодарю всех за внимание; деду, Ольге и фрейлейн Гретхен тоже передай мои дружеские, скромные приветы.

Еще до того, как старый год закрыл свои двери, я получил такое письмо за подписью

следователя палаты народного суда: «Сообщаем Вам, что предварительное следствие по уголовному делу, возбужденному против Вас по обвинению в подготовке государственной измены, закончено. Следственные акты отосланы обратно господину верховному прокурору в берлинский филиал». Вандшнейдер постоянно подчеркивал, что предварительное расследование как таковое уже закончено, но официально об этом сообщается только этим письмом, от 27 декабря. Следовательно, это уже поворот дела к новому. Очень вероятно, что в связи с плебисцитом в Сааре и воссоединением Саарской области с Германией будет объявлена амнистия политическим заключенным. Возможно, это оказалось бы вторым поворотом дела. И наконец, после стольких проволочек вручение обвинительного акта и сам процесс можно было бы считать третьим поворотом дела. Поэтому я по-прежнему надеюсь, что тебе удастся договориться с моим адвокатом относительно приглашения еще одного адвоката... Я ссылаюсь на состоявшийся в Саарбрюккене процесс против д-ра Савекоулса, на котором защиту вели три адвоката. В остальном это находится теперь в твоих руках, и я ожидаю удовлетворительного решения вопроса.

С наступлением нового года я оглядываюсь на роковой 1934 г. Мой ретроспективный обзор и анализ развития событий за 1934 г. основывается на газетных материалах, которые я с большим трудом собрал, сопоставил и проработал и которые служили мне основной ориентирующей информацией

для главных выводов. На этот раз, правда, получится более длинное письмо, чем обычно, но думаю, что ты не будешь сердиться.

Сначала по поводу интервью, данного одним немецким государственным деятелем берлинскому представителю агентства Рейтер и опубликованного 20 апреля 1934 г. в немецких и иностранных газетах. На вопрос о возможности освобождения Торглера и Тельмана этот государственный деятель, согласно «ББЦ» и «БТБл»¹, в частности, заметил, что Торглер давно отказался от коммунизма; Тельман не отказался, во-первых, потому что он намного глупее; во-вторых, потому что он даже и не знает, что такое коммунизм... Мне будет нетрудно, поскольку я еще располагаю вполне достаточными для этого интеллектуальными ресурсами, метким и убедительным ответом опровергнуть эту выдумку, которую пресса разнесла по свету. Я без больших усилий выдержу этот экзамен! Пусть 1935 г. предоставит мне такую возможность!

Теперь некоторый ретроспективный обзор и анализ развития событий за 1934 г. В 1934 г. стало возможным предвидеть далекое будущее именно на примерах деятельности Лиги наций и конференции по разоружению, срыва конференции по ограничению морских вооружений, дебатов экономических конференций, что капиталистический мир не сможет решить стоящие перед ним проблемы своими методами...

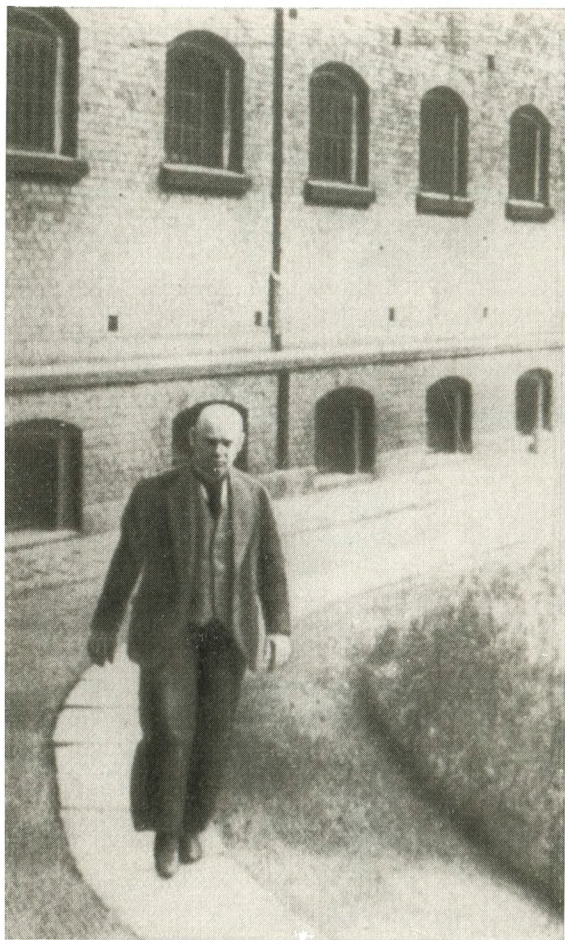
¹ «Берлипер тагеблатт». — Прим. персв.

...Я отказываюсь писать подробнее о развитии Германии, так как однажды уже из-за отдельных замечаний письмо не разрешили отправить. Для общего положения в капиталистическом мире характерны: слабое использование производственных мощностей в большинстве ведущих капиталистических стран, скрытый кризис мирового сельского хозяйства, несущественное уменьшение безработицы в мировом масштабе (в Германии число безработных сильно уменьшилось), дальнейшее сокращение мировой торговли, валютный хаос и полный развал международного кредита, понижение покупательной способности трудящихся масс и повсеместное распространение и обострение социальных и политических противоречий и конфликтов, сохраняющаяся опасность войны (Японии против России, на Балканах, Италии против Абиссинии). Вся напряженность нынешней обстановки в капиталистическом мире является одной из причин того, что мировой кризис вскоре повсюду снизит или подвергнет серьезной угрозе жизненный уровень трудового народа. Оживление конъюнктуры в отдельных странах не всегда бывает постоянным и прерывается разного рода спадами. В основном оно поддерживается искусственными мерами, что ввиду тяжести кризиса часто считается совершенно необходимым. В большинстве случаев это оживление проявляется лишь в отдельных странах и не оказывает сильного влияния на мировую конъюнктуру. В 1933 г. мировой товарооборот в стоимостном выражении находился на исклю-

чительно низком уровне, в 1934 г. он снизился еще примерно на 4%. Оборот мировой торговли, достигший в 1920 г. своего максимума — 290 миллиардов марок, составил в 1932 г. всего лишь 110 миллиардов марок. Объем внешней торговли США с 13,5 миллиарда долларов в 1920 г. снизился в 1929 г. до 10 миллиардов и продолжал падать вплоть до 1932 г., составив несколько менее 3 миллиардов, затем начал опять расти — 3,05 миллиарда в 1933 г. и составил в 1934 г., при усиленной активизации торгового баланса, приблизительно 3,8 миллиарда долларов. Германский экспорт, составивший в 1931 г. 9,6 миллиарда марок, снизился до 4,871 миллиарда в 1933 г. и продолжал снижаться приблизительно до $\frac{4,167}{4,170}$ миллиарда марок в 1934 г. В Германии превышение экспорта над импортом, составлявшее в 1931 г. 2,9 миллиарда марок, постепенно сошло на нет и сменилось в 1934 г. дефицитом примерно в $\frac{284}{230}$ миллионов, так как, кроме того, в результате импорта в весенние и летние месяцы 1934 г. накопились коммерческие долги на сумму свыше 500 миллионов марок. За первые девять месяцев 1934 г. превышение импорта над экспортом составило 267 миллионов марок. По сравнению с тем же периодом 1933 г., когда внешняя торговля Германии показывала превышение экспорта над импортом в 478 миллионов марок, это означает ухудшение торгового баланса на 745 миллионов. В октябре и ноябре 1934 г. торговый ба-

ланс впервые снова стал активным, достигнув за эти месяцы, соответственно 16 и 10 миллионов марок, а уже в декабре опять появилось пассивное сальдо в 45 миллионов. Для Германии жизненно необходимо превышение экспорта над импортом. Оно совершенно необходимо для поддержания нынешнего жизненного уровня немецкого народа.

Возьмем несколько других фактов и примеров из области экономики ведущих капиталистических стран. В США производственные мощности промышленности в последние месяцы используются приблизительно лишь на 40%. В настоящее время там около 11 миллионов безработных, примерно столько, сколько было и в начале прошлого года. В Англии, где индекс промышленного производства снова достиг уровня 1928 г., продолжается оживление производства, в 1934 г. его рост равнялся примерно лишь половине роста германского производства. Уменьшение числа безработных, составлявшего в декабре 2085 тысяч человек, было незначительным. Во Франции мы наблюдаем длительное снижение кривой промышленного производства и значительный рост числа безработных (по официальным данным, в декабре 420 тысяч), которое увеличилось более, чем на 45% по сравнению с концом 1933 г. Фактически же число безработных составляет приблизительно 1 миллион. В Европе есть лишь две капиталистические страны, о которых можно утверждать, что их экономическое развитие происходит под знаком процветания, этими островами процветания являются Швеция и

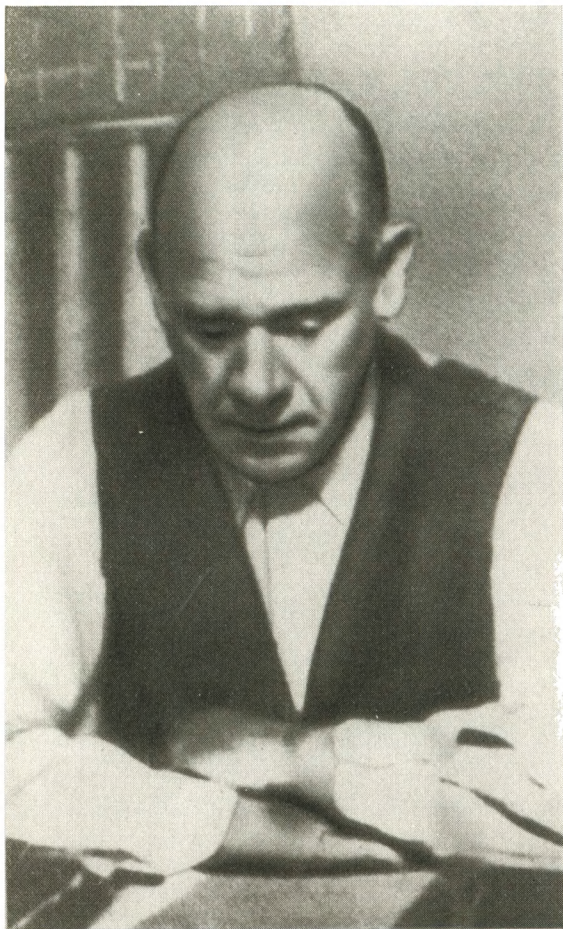
Эрнст Тельман в тюрьме Моабит,
где он находился в заключении с мая 1933 года
по август 1937 года.

Роза Тельман.

Ирма Тельман.

Эрнст Тельман в тюремной камере,
Ганновер, 1937 год.

Финляндия. В Швеции растет экспорт, увеличивается использование производственных мощностей промышленности (производство превысило уровень 1928 г.), в конце октября зарегистрировано всего 85 тысяч безработных, то есть на 80 тысяч меньше, чем в октябре 1933 г. Финляндия— одна из европейских стран, которой наиболее удалось преодолеть последствия мирового экономического кризиса. Значительное превышение экспорта над импортом, процентная ставка ниже уровня, бывшего нормальным в довоенное время. Число безработных сократилось до уровня, обычного для зимнего сезона. Даже по отношению к крестьянам кризис значительно смягчился.

Особенно своеобразно положение в Японии. Несмотря на то что промышленное производство устойчиво растет, значительно превышая средний уровень последних лет, и лишь в последнее время наблюдается небольшое сокращение внешней торговли, страна охвачена углубляющимся аграрным кризисом. Кроме того, над этой дальневосточной мировой державой навис финансовый кризис. Японский министр финансов заявил недавно при обсуждении государственного бюджета, что, если в положении сельского хозяйства не произойдет существенного улучшения, все крестьянство будет разорено, поскольку оно уже едва выдерживает бремя долгов в 7 миллиардов иен. 1021 миллион иен истрачен на армию и флот, а для смягчения бедственного положения крестьян предусмотрено всего лишь 64 миллиона иен, хотя в провинциях, наиболее тяжело пострадавших от тайфуна,

10—12 миллионов человек обречены на голод. В 1922 г. военные расходы составляли 493 миллиона пени, то есть 27% бюджета, а ныне, как сообщает «Джапан таймс», они достигают не менее 56% всех расходов государственного бюджета. Пассивное сальдо, составившее 36,8 миллиона пени в 1933 г., возросло до 62,8 миллиона пени за первые 11 месяцев 1934 г. 1935 год явится для Японии годом кризиса.

Еще два примера из области мирового аграрного кризиса. Ипотечная задолженность, тяготеющая над американским сельским хозяйством, составляла в 1910 г. около 3,33 миллиарда долларов, а к 1930 г. увеличилась уже до 9,25 миллиарда. Таким образом, в американском сельском хозяйстве стоимостные величины в действительности отнюдь не соответствуют своему номиналу. К этому добавляется превышение предложения над спросом на продукты земледелия и животноводства, сбыт которых затруднен, как это ни парадоксально. Далее, тяжелым оказывается положение французского земледелия и животноводства. Здесь от избытка возник кризис, вызванный прежде всего превышением предложения над спросом на продукты земледелия, животноводства и виноградарства. Оба эти примера представляют особенный интерес потому, что относятся к странам, занимающим ведущее место в мире по золотому запасу и богатству...

Кто еще понимает этот мир, в котором процветающее животноводство, богатые урожаи пшеницы и винограда оказываются равнозначными катастрофам, — и это в то время,

как миллионы людей, голодающих и бедствующих, охотно использовали бы эти продукты? Во всяком случае, такой глупый человек, каким, видимо, являюсь я, лишь качает по этому поводу головой и думает: я все еще учусь!

Что касается социальной напряженности и политического хаоса 1934 г., то отмечу лишь кратко следующее: в феврале кровавые беспорядки в Париже, февральское восстание в Австрии, переворот на Кубе, всеобщая забастовка в Сан-Франциско, летом события в Австрии и Испании, религиозные волнения в Мексике, кровавый конфликт между Италией и Абиссинией, вооруженные столкновения в Маньчжурии и бой в Китае, драматическое убийство Дольфуса, Барту и короля Александра... В 1934 г. война велась на Дальнем Востоке, в Аравии и в Грап-Чако, где кровопролитие все еще продолжается. Американский военный атташе полковник Шэри говорит в своем... сообщении с театра военных действий в Чако об «адском видении», о том, как «кричат, стенают и сходят с ума раненые и умирающие солдаты, которые медленно погибают от ран, жажды и голода»...

Когда ровно 20 лет назад я уходил на войну, прощаясь с тобой, моя дорогая Роза, и своими родителями, я не предполагал, что означают переживания на войне для человека, который, собственно, уже родился с характером бойца и никогда не знал страха перед смертью. Я вспоминаю о многом-многом, что пережил во время войны в сраже-

ниях под Дуомоном, на Сомме, у Аррасса, у Камбре, в Аргоннском лесу, под Суассоном, на Шмен-де-Дам, в Шампани, под Сен-Каптеном и Реймсом и т. д., и о многих боях на других участках Западного фронта. Теперь это лишь живые воспоминания о страшном прошлом. Но то, что происходит в болотистых низинах реки Пилькомайо и в девственных лесах Чако, напоминает средневековые формы самой зверской войны. Там два народа уничтожают друг друга в угоду мании захвата и грабежа, преследующей отдельных властителей, жадных до чужих земель. Таковы лишь некоторые факты из действительности капиталистического мира.

Есть страна, представляющая славное исключение во всем мире; в ней нет никаких проявлений распада (можно говорить о трудностях роста и затруднениях с продовольствием), покончено с безработицей, не происходит правительственных кризисов — это социалистический Советский Союз. При неуклонно усиливающемся промышленном развитии, ускоренном повышении технического уровня и механизации сельского хозяйства, при непрерывном строительстве новых гигантских центров производства — производственная мощность советской промышленности все еще недостаточно велика, чтобы удовлетворить бурно растущие запросы и потребности этой державы-гиганта. Несмотря на очень большую занятость женщин и девушек в промышленности и сельском хозяйстве, во всей стране чувствуется заметный недостаток рабочей силы. Чем объясняется это «чудо»?

Что изменилось в этой стране с 1917 г.? Ответ на эти вопросы, решение этой «загадки» вот в чем: такое развитие страны стало возможным и было достигнуто только благодаря свержению капитализма. Рабочие доказали, что они не только способны уничтожить капитализм, но и обладают творческими способностями, чтобы овладеть прогрессом, добиваться новых выдающихся успехов во всех областях науки, с ее помощью строить социализм, открывать перед всеми трудящимися величественные возможности свободной и счастливой жизни, создавать новую, социалистическую культуру и воздвигать бесклассовое общество.

Когда я перед войной впервые посетил Соединенные Штаты Америки, то изумился их высокому промышленно-техническому прогрессу по сравнению с индустриально-развитой Германией. Когда же в 1920 г. я в первый раз приехал в Советскую Россию, то был поражен технической отсталостью этой страны по сравнению с индустриальным прогрессом Германии. Однако уже несколько лет спустя уровень промышленности, а вместе с тем и жизни народа там изменились, обнаруживая все больший прогресс... Система за это время не изменилась, но развитие по социалистическому пути придавало стране все возрастающие силу и значение...

Теперь, в 1935 г., можно говорить о «чуде» XX века, если объективно и без слепой пенависти рассматривать развитие этой страны.

Это «чудо», свершившееся в одной из прежде самых отсталых стран, стало возмож-

ным только в результате победы рабочего класса в союзе с трудовым крестьянством и интеллигенцией, с учеными, которые охотно поставили себя на службу новой власти. Большевицкая партия и ее мировоззрение завоевали себе могучие позиции в Советском государстве и в русском народе. Весь народ является ныне источником силы этой страны.

Партия развила творческую инициативу миллионов масс, их социалистический трудовой энтузиазм, их героизм. Она построила тяжелую индустрию — фундамент социализма. В результате социалистической индустриализации сельского хозяйства партия положила начало глубочайшей аграрной революции в мировой истории. Она организовала социалистическую культурную революцию на одной шестой земного шара... Задача первого пятилетнего плана заключалась в том, чтобы превратить Советский Союз из аграрной страны в независимую индустриальную державу с современной техникой, путем социалистической индустриализации перевести раздробленное сельское хозяйство на рельсы крупного коллективного хозяйства и максимально повысить оборонную мощь страны для отражения любой угрозы со стороны империалистического окружения. Одновременно это означало создание экономической базы для полного построения социалистического общества. Эта великая задача, которую капиталистические экономисты объявили безумием, была выполнена не только по своему объему, но даже досрочно — за 4 года 3 месяца. Были построены и пущены в ход

тысячи новых самых современных промышленных предприятий. Тысячи старых предприятий были реконструированы на основе современной техники. Из страны единоличного крестьянского хозяйства Советский Союз превратился в страну коллективного, крупного и механизированного сельскохозяйственного производства. Более 200 тысяч колхозов и свыше 5 тысяч совхозов, крупные города с многочисленным населением выросли буквально как из-под земли. Колоссальные капиталовложения во все отрасли народного хозяйства составили за период осуществления первого пятилетнего плана свыше 60 миллиардов рублей, сделали возможным повышение народного дохода с 29 миллиардов рублей в 1929 г. до 50 миллиардов в 1933 г., в то время как почти во всех без исключения капиталистических странах национальный доход за этот период резко снизился. Из отсталой, неграмотной, некультурной страны Советский Союз превращается в страну с высоким уровнем образования и культуры, с огромной сетью высших, средних и начальных школ, в которых преподавание ведется на языках национальностей СССР... Такой всемирно известный деятель культуры, как Бернард Шоу, дал в новогодний день следующий ответ на вопрос о перспективах культурного развития [в капиталистическом мире] на 1935 г.: «У культуры здесь вообще больше нет будущего. Мы живем репутацией довоенного времени. Спасения цивилизации мы ожидаем от России». Это не только уверенный голос одного человека высокой духовной

культуры, но и живое выражение мнения широких кругов во всем мире.

После победного осуществления первого пятилетнего плана партия перешла к выполнению дальнейших, по своим масштабам еще более грандиозных задач второго пятилетнего плана, основной политической целью которого является окончательная ликвидация капиталистических элементов и пережитков капитализма в сознании людей. После победного шествия первой пятилетки и второго года второй пятилетки, принесшего большую победу в сельском хозяйстве, нельзя больше сомневаться в дальнейшем успешном завершении социалистического строительства в Советском Союзе. Повышение производительности труда находит свое выражение и в значительном росте заработной платы. Так, во второй пятилетке на основе быстрого увеличения народного дохода заработная плата возрастет в крупной промышленности на 200%. Потребление таких продуктов, как мясо, жиры, рыба, яйца, сахар, а также промышленных товаров должно увеличиться в 2,5 раза, розничные цены снизятся на 35%. Повышение материального уровня массы рабочих и служащих будет осуществляться не только на основе роста их заработной платы как таковой, но и путем улучшения всех условий их жизни и труда. На повышение заработной платы, необходимое в связи с отменой хлебных карточек, государство выделило 4,2 миллиарда рублей. В этом отношении развитие идет вперед шаг за шагом. Общий объем капиталовложений в комму-

нальное, жилищное и культурное строительство составит 32 миллиарда рублей, то есть около четверти всех капиталовложений в народном хозяйстве, в том числе 13,6 миллиарда в жилищное строительство, в создание сети учреждений, предназначенных для культурного обслуживания и отдыха рабочих и служащих, а также для улучшения здоровья трудящихся. В заключение возьмем еще отдельные примеры, подтверждающие и доказывающие истину цифрами и фактами. Даже тот материал, который я с трудом собрал из газет, дает наглядное суммарное представление о важнейших показателях роста производства в Советском Союзе в 1934 г. В этом мне помог и сегодняшней номер «ББЦ» с приложением «Торговля с Востоком», в котором информация уже сама по себе отражает важнейшие производственные достижения Советского Союза.

Выплавка чугуна увеличилась с 7,1 миллиона тонн в 1933 г. до 10,4 миллиона в 1934 г. Здесь Советский Союз занимает второе место в мире после Соединенных Штатов. Выплавка стали возросла за тот же период с 6,8 миллиона тонн до 9,6 миллиона тонн. Здесь Советский Союз стоит на третьем месте в мире. Добыча нефти увеличилась с 22,4 до 25,5 миллиона тонн. СССР занимает здесь второе место. (Затем газета приводит производственный план на 1935 г.). Добыча угля составила в 1934 г. 92,2 миллиона тонн, т. е. на 23,4%, или на 16 миллионов тонн выше, чем в 1933 г. По производственному плану на 1935 г. добыча угля должна быть

доведена в целом до 112,2 миллиона тонн. (Далее газета перечисляет задания на 1935 г. по производству автомобилей и тракторов, затем указывает объем добычи золота за последние 4 года, включая первые 11 месяцев 1934 г...). В начале 1933 г. задолженность Советского Союза Германии составляла еще 1,1 миллиарда марок, тогда как в настоящее время она уже меньше 250 миллионов марок, и если не добавятся новые обязательства, то в 1936 г. Советский Союз будет свободен от долгов по отношению к Германии.

Рост производства крупной промышленности в Советской России составлял в 1932 г. 21,1%, в 1933 г. — 11,1%, а в 1934 г. снова увеличился до 26,7%. В 1935 г. продукция крупной индустрии должна возрасти на 19,4% по сравнению с уровнем 1934 г. Это ускоренное развитие советской промышленности потребовало нового вовлечения миллионов рабочих в промышленные предприятия. В статистическом сборнике «Профсоюзная перепись 1932—1933 гг.», выпущенном в конце первой пятилетки Всесоюзным Центральным Советом Профессиональных Союзов, сообщается, в частности, что за годы первой пятилетки в советские предприятия и учреждения влилось около 12 миллионов новых рабочих. Больше половины этого пополнения рабочих в период первой пятилетки — выходцы из крестьянства. Обучение неквалифицированных рабочих является серьезной непосредственной задачей. Подготовка специалистов и технически обученных рабочих ускоряется и, хотя и с известными трудностями,

осуществляется успешно. Рост производства и прочие успехи 1934 г. являются новыми фактами и доказательствами колоссального развития этой социалистической страны. Они свидетельствуют о том, что социализм обладает огромным источником энергии, определяющим всю политическую, экономическую и культурную жизнедеятельность движущих сил советского общества.— Окончание в следующем письме.

Тысяча приветов нашей Ирме и деду. Большой сердечный привет шлет тебе
твой любящий Эрнст.

[Берлин], 10 февраля 1935 г.

Моя дорогая Роза!

Твои милые письма от 26.I и 3.II я получил. Деньги, в том числе и последние, тоже сюда поступили. За них благодарю особо.

Меня радует, что ты получила письмо от 20.I. Из него вполне сможешь понять, что явилось основой содержания и главных мыслей письма от 13.I, выдержанного в гораздо более живом тоне. Голые цифры и сообщения без глубокого анализа и выводов в большинстве случаев бывают сухими и скучными. Уметь мыслить, но не сметь высказываться — ведь это же особый вид мучения. Я претерпеваю его, хотя мне и не хватает терпения.

Зачем ты расстраиваешься из-за того, что не можешь писать мне таких длинных писем? Я охотно готов переносить за тебя эту муку.

Длинное письмо иногда может быть скучным, так как к этому вынуждают стиль и метод. Очень часто бывает так: чем короче, тем лучше, а в длинных письмах легко можно выйти за рамки дозволенного. Так оно и было 13.I. Не каждому дозволено писать письма, полные сердечности и чувств, и одновременно содержательные. Утешайся тем, что для меня всегда было большой радостью читать твои письма ко мне, простые, скромные, интимные, короткие и полные воспоминаний о родине. Письмо Ирмы от 20.XI.1934 г. тоже было простым и скромным по стилю, зато его содержание глубоко тронуло меня, потому что оно шло от сердца и передавало живое человеческое чувство. В своем последнем письме ты спрашиваешь, как я живу здесь в одиночестве, и подчеркиваешь, что я не должен падать духом. Конечно, эта строгая изоляция, это одиночество, эта оторванность от живой жизни народа мучительно тяготуют над политически мыслящим человеком. Но я говорю себе, что именно дух всегда поддерживает здоровье человека и определяет его моральное состояние... Как раз в годину крайних невзгод (вспомни наше прошлое) человек обычно растет и осознает свои силы и способности. Очень часто жестокость судьбы укрепляет внутренние силы страдающего человека. Человек все же научится понимать, что не только чуждая сила порождает в нем страх, но в гораздо более глубоком смысле и сам его страх рождает такую силу. А так как человек с давних пор ненавидит эту жестокую силу, то он отбросит свой страх, кото-

рый снова и снова порождает ее. Такое понимание необходимо обретать в страданиях и борьбе до тех пор, пока человечество не научится быть мужественным...

Ты выдвигаешь сравнение с периодом мировой войны. Можно ли вообще проводить такое историческое сравнение? Конечно, отдельные точки соприкосновения имеются... Вопрос о мировой войне завтра снова может оказаться поставленным на повестку дня. Сегодня мы также стоим перед большими и трудными решениями относительно будущего Германии. Дать на это свободный ответ мне запрещает известное... принуждение.

Еще несколько дополнений к моему последнему письму. Так как превышение германского импорта над экспортом в декабре составило 45 миллионов марок, пассивное сальдо торгового баланса Германии увеличилось с 230 (я привел эту цифру приблизительно) до 284 миллионов марок в 1934 г.— это по сравнению с 1933 г., когда превышение экспорта над импортом составляло 668 миллионов марок. Вот уже две недели ведутся переговоры относительно заключения нового германо-советского соглашения о поставках и кредите; оно предусматривает дополнительные заказы Советской России немецким фирмам на сумму 200 миллионов марок, причем русские требуют для оплаты этих заказов предоставить им кредит на пять лет. Однако, как сообщает газета, недавно в ходе переговоров возникли некоторые трудности, вызванные определенными требованиями представителей Советской России. Для

дальнейшего развития германско-русских торговых отношений вопрос о заключении этого соглашения имеет, конечно, решающее значение.

На международном конкурсе дизельных двигателей, проводившемся осенью 1934 г. в Советском Союзе, жюри отметило первой премией автомобильный двигатель фирмы «Машиненфабрик Аугсбург — Нюрнберг»... Далее, вторую премию получила фирма «Лиллуаз», Лилль (Франция); третью — венгерская фирма «Ланг», Будапешт; четвертую — фирма «Гапц», Будапешт (Венгрия) и пятую премию — фирма «Фиат», Турин (Италия). Следующие премии получили фирмы «Перкинс», Питтсбург (Англия), «Бирдмор», Глазго (Англия) и «Торникрофт» (Англия), а также швейцарская фирма «Заурер» и французская фирма «Рено». На конкурсе тракторов с дизельными двигателями первая премия в группе тракторов большой мощности была присуждена американской фирме «Катерпиллер», в то время как первую премию в группе тракторов средней мощности получила немецкая фирма «Кэмпер», Берлин. Вторая премия досталась НАТИ (Научно-исследовательскому автотракторному институту, Москва) и ХТЗ (Харьковскому тракторному заводу).

На последних выборах в Советы в конце 1934 г. из 102 миллионов граждан, пользующихся избирательным правом, проголосовало 91 миллион человек, то есть 92,8%. В Москве проголосовало 95,2% избирателей. При новой избирательной системе, принятой съездом

Советов СССР в феврале этого года, 97,5% граждан имеют право участвовать в выборах. Лишь 2,5% (главным образом из числа граждан старших возрастов) будут лишены избирательного права по политическим мотивам...

В отчетном докладе Советского правительства съезду Советов интересны, в частности, статистические данные о классовой структуре населения: в 1913 г. число рабочих и служащих на территории, занимаемой ныне Советским Союзом, составляло 23 300 тысяч, из которых 17 300 тысяч приходилось на индустриальный пролетариат. Крестьянство насчитывало 90 700 тысяч единоличников. Численность представителей буржуазии достигала 22 100 тысяч (в том числе 17 100 тысяч кулаков), остальное население составляло 3 200 тысяч человек. На 1 января 1934 г. в Советском Союзе насчитывалось 47 118 тысяч рабочих и служащих, из них 41 751 тысяча занятых в промышленности. Число колхозников составляло 77 037 тысяч, а крестьян-единоличников — 37 902 тысячи.

Буржуазии осталось 174 тысячи (в том числе кулаков — 149 тысяч). С 1913 по 1934 г. население увеличилось со 139 300 тысяч до 168 миллионов человек.

Расходы на оборону в 1934 г. составили 5 миллиардов рублей., то есть только 10% всего государственного бюджета, в то время как военные расходы, например, в Японии достигают 46,5%, а в Польше — 40% всего бюджета.

В отчетном докладе Советского правительства съезду Советов, в частности, гово-

рится об отношении к германскому народу как «одному из великих народов современной эпохи».

Расширение советского экспорта:

- а) чугун,
- б) швейные машины,
- в) сельскохозяйственные машины,
- г) различные новые машины.

Следует отметить, что список новых экспортных товаров в истекшем 1934 г. значительно шире, чем я даже предполагал. Это новое расширение экспорта улучшает, конечно, финансовое положение Советского Союза.

Цифры 1933 г. = 124 миллиона рублей,
1934 г. = 150 миллионов рублей.

Превышение экспорта над импортом.

В связи с этим активным торговым балансом и значительно возросшим золотым покрытием банкнот в 1934 г. Советское правительство смогло своевременно выполнить свои платежные обязательства по отношению к зарубежным странам. Долги, возникшие в результате огромных товарных поставок из зарубежных стран Советскому Союзу в 1930 и 1931 гг., удалось погасить без остатка. Опираясь на это улучшение финансового положения Советского Союза, Советское правительство стремится повсюду обеспечивать благоприятные возможности получения кредитов для оплаты своих новых заказов на товары. Этим объясняются также в последнее время наличные платежи английским фирмам, покупка судов, чтобы освободиться от высоких расходов на фрахт. В этом году

было куплено: в Гамбурге 6 судов («Ер-бек»), в Англии — 3, в Голландии и Норвегии — суда тоннажем 1200 тонн. На днях Советскому Союзу были поставлены 4 крупных буксирных парохода, построенные на верфи в Або (Финляндия) и стоившие 6 миллионов финских марок.

Тысяча приветов Ирме и деду. Горячий сердечный привет и поцелун шлет тебе
твой любящий Эрнст.

Берлин, 3 марта 1935 г.

Моя дорогая Роза!

Сегодня исполняется ровно 2 года с тех пор, как меня арестовали по распоряжению полиции в связи с поджогом рейхстага. Лишь позже верховным прокурором было возбуждено против меня дело по обвинению в государственной измене. Кто бы мог когда-нибудь подумать, что я буду вынужден провести в предварительном заключении 2 года! Во всем мире не происходит ничего подобного. Нигде в мире преследуемым властями политическим руководителям не приходилось ждать обвинения так долго, как мне. Этому едва можно поверить, но ведь это правда!

Твои письма от 18 и 24.II вместе с иллюстрированным приложением «Гамбургер фремденблатт» получил с благодарностью. Получил также и деньги. За это время у меня была краткая беседа с доктором Рёттером в присутствии судебного следователя. Сам Рёт-

тер произвел на меня хорошее впечатление. Он умеет и может кое-что сделать. Служил морским офицером, награжден железным крестом 1-го класса. Разделял взгляды немецкой национальной партии и в своей прежней практике никогда не защищал коммунистов. Несмотря на это полагает, что в палате народного суда ему будут чинить препятствия, так как его причисляют к категории адвокатов неарийского происхождения, хотя сам он не еврей. Весьма щепетилен; после того как я в устной форме выразил ему доверие, он успокоился. Председатель палаты народного суда имеет формальное право дать отвод любому защитнику без детального указания причин. Адвокат же, напротив, не имеет права подать жалобу или апелляцию по поводу такого отвода. Это уже существенное различие по сравнению с соответствующими нормами имперского суда. К этому следует добавить, что приглашение по моей инициативе доктора Рёттера последовало лишь после объяснения и взаимного соглашения между Вандшнейдером и им. Доктор Рёттер спросил тогда, не сочту ли я целесообразным от себя написать письмо по этому вопросу господину председателю 2-го сената палаты народного суда. До сих пор я от этого воздерживался, потому что считаю, что такой вопрос будет принципиально решен палатой народного суда. Кроме того, я посоветовал доктору Рёттеру, чтобы он сам написал в палату. Адвокат Вандшнейдер не раз говорил мне, что верховный прокурор не намеревается создавать затруднений моей защите.

Так ли это в действительности, покажет будущее. Может быть, я напишу еще письмо доктору Рёттеру, чтобы он не пугался имеющихся трудностей и продолжал добиваться допуска к защите. Возможный отказ доктору Рёттеру фактически означал бы ограничение моей защиты. Я считал и по сей день считаю необходимым иметь еще одного, берлинского, адвоката, кроме гамбургского... В одном из писем от октября прошлого года я уже высказал общие соображения по вопросу о моей защите. Думаю, у тебя еще сохранилось это письмо. Но если все усилия в этой области окажутся тщетными, то я настоятельно прошу тебя уже теперь попытаться найти другого защитника, по возможности из Берлина.

Теперь о том, почему часть моего последнего письма не была отправлена. Ты справедливо спрашиваешь, как получается, что в последнее время создаются такие затруднения в переписке. Ответить на этот вопрос нетрудно. Контроль над письмами и т. п. еще не усилился. Отправка писем зависит единственно от согласия соответствующего судебного следователя или его заместителя. Кто это в данном случае, ты знаешь и сама. Доктора Вальтера, как известно, здесь уже нет.

Еще несколько замечаний относительно самого содержания писем. В письме от 13.1.1935 г. были отдельные главные выводы, которые могли вызвать недовольство следователя. Хочу отдать долг правде. В письме от 10.11.1935 г. этого уже не было. Остальная часть письма, которая не была отправлена, абсолютно безобидна.

Я поистине удивлен: на каком мыслимом основании может уже считаться запрещенным передавать в письмах к тебе те сообщения о Советском Союзе, которые напечатаны в немецких газетах! Какие же сообщения я там привел?

а) торговый баланс Германии;

б) переговоры о заключении нового германо-советского финансово-кредитного соглашения;

в) решение жюри, проведенного в Советском Союзе международного конкурса автомобильных и тракторных дизельных двигателей большой и средней мощности;

г) результаты последних выборов в Советы;

д) принятие новой советской избирательной системы и директив о разработке нового текста Советской Конституции;

е) классовая структура населения Советского Союза на январь 1934 г. по сравнению с 1913 г.;

ж) отдельные сообщения о съезде Советов СССР, как-то: расходы на оборону, выражение Советским правительством симпатии немецкому народу;

з) цифры, свидетельствующие об активности торгового баланса за прошлый год, список новых экспортных товаров, финансовое положение этой страны и ее стремление к заключению новых соглашений о кредитах и товарообороте;

и) покупки судов в Гамбурге, Англии, Норвегии, Голландии и поставка новых бу-

кспирных пароходов верфью Або (Финляндия).

Все эти сообщения были опубликованы в газетах. Я привел их, ничего не добавив от себя.

На немецкой выставке автомобилей демонстрировался дизельный двигатель МАН, участвовавший в международном конкурсе автомобильных дизельных двигателей в Советской России, причем фирма МАН («Машинофабрик Аугсбург — Нюрнберг») получила первую премию (фото в «ББЦ»).

Интересно также сообщение о том, что в числе 6 пароходов, купленных Советским Союзом в Гамбурге в январе — феврале, фигурирует «Ерсбек». Почему тебя и деда интересует это сообщение? Потому что с названием этого парохода связаны воспоминания о родине. Потому что Ерсбек¹ напоминает вам о самых близких родных местах. Потому что Ерсбек напоминает и мне о том, что я пережил там в первые годы своей юности, когда вместе с отцом рубил ели.

В последнем номере «ББЦ» от 2 марта помещен целый ряд интересных сообщений из Советского Союза (русская экономика, русско-английское лесное дело, русский экспорт леса, выплавка чугуна и стали в 1935 г., русский экспорт в 1934 г., строительство нового текстильного комбината в Новосибирске, очистка отработанных масел, заказ на машины в Америке).

¹ Ерсбек — лесистый район в Шлезвиг-Гольштейне. — *Прим. перев.*

Шурин Р. и сестра Фрида тоже написали письмо.

Шторм в Гамбурге, насколько я могу судить по серии фотографий в «Гамбургер фремденблатт» и как ты пишешь в своем письме, причинил большие разрушения. Половодье в порту, конечно, явление не новое. Но на этот раз порд-вест был, кажется, особенно сильным.

Меня радует, что по поводу неприятности с погодой ты сразу же пригласила врача, иначе могло быть хуже. Если встретишь случайно доктора Мольтрехта, передай ему мой дружеский привет. Сердечные приветы тете Ольге, Доре и Гретхен. Ирма живет, в общем, ничего, не так ли?

Горячие приветы Ирме и деду.

Сердечно приветствует тебя

твой любящий Эрнст.

Берлин, 22 апреля 1935 г.

[Из письма Эрнста Тельмана жене Розе]

...С 16 по 22.IV здесь была задержана отправка почты, поэтому я не мог написать тебе раньше. Начиная со страстной пятницы вплоть до второго дня пасхи у нас стояла чудеснейшая солнечная погода. Такая уж у солнца сила, что, например, маленькое дерево в тюремном дворе за один день вдруг предстало перед нами в полном цвету. Хорошо тем миллионам счастливых, которые на золотой свободе могли наслаждаться про-

буждающейся природой с ее пестрыми проявлениями, освещающим и сияющим многообразьем, а к тому же и теплой весенней погодой. Я от всего сердца радуюсь за тех, кто в эти дни мог спокойно отдохнуть на лоне прекрасной природы. Пусть же когда-нибудь снова придет и наш час! Оба твои письма от 31.III и 10.IV я получил. И деньги, посланные из Гамбурга 8.IV, тоже пришли. Большое спасибо за все. До сих пор мне выдали лишь одну открытку ко дню рождения из Берлина (приславший ее друг и семья мне незнакомы) и одну такую открытку от друга Рудольфа из Гамбурга.

Из длинного письма, предназначенного в качестве подарка моей сестре Фриде ко дню рождения, отправлены лишь две первые страницы, страницы с 3 по 8 не были допущены к отправке...

Ответ на твои письма откладываю на следующий раз. Коснусь здесь лишь отдельных вопросов, которые уже затрагивались и обсуждались во время последнего свидания. Удовольствие, которое ты хотела доставить мне ко дню рождения передачей гамбургского бутерброда с жарким было хорошо задумано, но к сожалению, нереально, так как передача бутерброда означала бы нарушение установленных здесь предписаний и принципов. Я вовсе не хочу сказать, что такой лакомый кусочек домашнего, несмотря на то что без него можно обойтись, был бы мне неприятен. Напротив! Я бы с удовольствием съел его. Утешай себя тем, что как бы хорошо это ни было, этого не должно было быть. Гораздо важнее

и серьезнее было для меня внимательно просмотреть табель нашей Ирмы из школы домоводства. Это было для меня не только особенной радостью, но и приятным сюрпризом, согревающим сердце подарком ко дню рождения. Это уже совсем другое дело, чем упомянутый гамбургский бутерброд с жарким, который лишь раздражил мне аппетит, хотя я не смог его ни увидеть, ни попробовать. Не слишком ли много, что оценки по всем общеобразовательным и специальным предметам у Ирмы оказались не только очень хорошими, но сплошь блестящими? Будем надеяться, что результатом этого окажется не духовное самоуспокоение и юношеская заносчивость, а дальнейшее серьезное образование и упорное самовоспитание, что собственные усилия и жизненная энергия послужат ей в этом деле!

Эти строки с выражением моей глубочайшей благодарности нашей Ирме явятся ответом на ее неожиданный подарок мне ко дню рождения. Крепко жму ей руку, крайне обрадованный и счастливый. Жду и надеюсь, что она и в дальнейшем так же сумеет выполнять свои обязанности и задачи в жизни. Не забудь, пожалуйста, в одном из следующих писем переписать мне весь ее аттестат.

Так как при последнем свидании мы в силу ограниченности времени не смогли более подробно обсудить вопрос о втором адвокате, я хочу здесь кое-что разъяснить и добавить. Во время последнего свидания я тебе посоветовал не заходить больше к адвокату д-ру фон Вюльффингу, поскольку это бесцель-

но и бесполезно, тем более что он показался тебе к тому же не очень симпатичным. Должен внести поправку потому, что хотя я и сослался на свое письмо доктору Рёттеру, но в то же время не подумал сразу, что в этом письме выразил полное согласие с тем, чтобы д-р фон Вюльфинг стал моим защитником наряду с г-ном В. Чтобы соблюсти приличие, тебе все же следует пойти к нему и четко урегулировать с ним этот вопрос. Надеюсь, он проявит понимание нашей точки зрения. Попробуй счастья!

Теперь к вопросу о приглашении другого адвоката. Я по-прежнему придерживаюсь той точки зрения, что при всех обстоятельствах необходимо найти второго, может быть, даже и третьего адвоката для моей защиты. Но поторопись, с тем чтобы с нашей стороны было исключено любое промедление. Не давай никому вводить себя в заблуждение и подчинять влиянию при выборе адвоката, сама проверяй предложения дельных адвокатов и действуй по собственному усмотрению и зрелому размышлению... Мне желателен хороший адвокат из Берлина. Конечно, В. должен быть с этим согласен. Поскольку мне необходимо предъявлять высокие требования к защите, может оказаться, к сожалению, что вследствие этого дело неизбежно будет затягиваться, а срок процесса откладываться. А мне самому хотелось бы как можно скорее избавиться от теперешнего состояния... Между тем, я борюсь со всеми внутренними искушениями, не поддаюсь воздействию извне, по-прежнему высоко держу голову и буду

стараться вынести все мужественно и хладнокровно.

...получил, большое спасибо за это.

Самые сердечные приветы нашей Ирме и деду.

Горячо приветствует тебя

твой любящий *Эрнст*.

Берлин, 20 мая 1935 г.

Моя дорогая Роза!

Твое последнее письмо от 9.V я прочел с величайшим интересом. Пасхальная открытка от Ирмы, которую она написала во время велосипедной прогулки, а также твоя пасхальная открытка мне не были выданы. На письмо, направленное мною 1.V г-пу председателю 2-го сената палаты народного суда д-ру Брунеру, я получил очень корректный ответ.

Теперь хочу вернуться к содержанию твоих писем в целом: этот листок бумаги снова образует мост, соединяющий меня с внешним миром, реальность которого я постепенно перестаю ощущать. Я глубоко восхищаюсь твоим безграничным мужеством, с которым ты постоянно пытаешься ободрить и поддержать меня. И это действительно вселяет в меня бодрость и отраду, поскольку я не отношусь к числу холодных, бесчувственных людей. Твои письма намного облегчают мою судьбу, дают мне больше спокойствия и силы, чем ты сама предполагаешь. К сча-

стью, ты не можешь представить себе, какая безотрадная тупость охватывает меня здесь, в камере, какое тяжелое настроение овладевает мной временами, когда стены как будто начинают давить меня... К тому же ежедневное общение с одним из надзирателей, который мыслит и действует почти механически. Правда, сменяющий его надзиратель, хотя и исполняет свои обязанности с такой же неукоснительной строгостью, как и первый, все же улучшает мое настроение на несколько часов в день. С 6 часов вечера до 7 часов утра здесь всегда тишина, как в деревне. Этот тюремный мир тоже знает радости в горести, но они выглядят по-другому, чем в мире свободы.

Мы, заключенные, испытываем радость и горе, боль и подлость. Радость приносит порой участливое, дружелюбное слово надзирателя, прогулка по тюремному двору при свете солнца, хорошая порция картофеля в мундире с селедкой, чтение газет и некоторых книг. Радость приносит свидание, добрая весточка, сообщение прессы о некоторых событиях в мире, особенно же письмо или открытка с любимой, дорогой родины. Радость вселяет надежда на будущее, вера в правоту своего дела.

Судьба может быть жестокой, может даже духовно подавить человека, если его дух не оказывает сопротивления се давлению; судьба может поколебать его и довести до отчаяния. Но я верю в торжество правды, и эта вера поддерживает меня в тех испытаниях, через которые мне приходится теперь прохо-

дить... Как ни трудно переносить это одиночество и тяжкое бремя, я буду смелым и мужественным, ибо знаю, что непреклонная воля и твердая вера сворачивают горы... Дед снова здоров — это радостное известие. Не собирается ли он и на этот раз в день вознесения совершить дальнюю велосипедную прогулку в свои родные места? Но не слишком ли это большая нагрузка для его преклонного возраста? Он должен беречь себя и не переоценивать свои силы, иначе его здоровье может пострадать. Паралич тети Доры, к счастью, не так тяжел, как ты предполагала. Успокой ее и передай от меня сердечный привет, пусть она снова обретет мужество и надежду! Кажется, ты с нашей Ирмой недавно побывала в Эйльбеке? Однако вы не увидели и не привезли с собой почти ничего нового, не так ли?

Согласно сообщениям берлинской прессы из Гамбурга, психиатрическую больницу Фридрихсберг превращают в дом призрения инвалидов, поскольку ее содержание обходится слишком дорого. Больница будет продолжать работать, но душевнобольных переведут, предположительно, в «Rauche Haus»¹. Теперешние расходы на содержание больницы будут существенно сокращены в целом и

¹ Так называли исправительный дом для беспризорных детей в Гамбурге; это название образовалось в связи с тем, что фамилия владельца этого дома — Ruge — на нижненемецком диалекте аналогична немецкому прилагательному «rauh», означающему, в частности, «грубый, резкий, суровый»: dat Ruge Hus (дом Руге) — das Rauhe Haus (грубый дом). — *Прим. перев.*

заметно снижены в расчете на одного больного. Будем надеяться, что эти бедные, невинные люди, когда им придется переселиться в «Rauche Haus», не окажутся в худших условиях, чем во Фридрихсберге, этом образцовом лечебном заведении Гамбурга...

...Здесь больше не произошло ничего особенного, но зато тем более важные события происходят в бурной сфере мировой политики. Какие перспективы принесет новая и более широкая координация сил между Францией и Советским Союзом в Европе, какое значение и последствия это будет иметь для остального мира? На эту актуальную тему я очень хотел бы письменно сообщить тебе свое мнение, но при этом возникает опасность, что письмо не будет допущено к отправке. Подумаю, может быть, напишу об этом в следующий раз.

Как поживает наша Ирма? Передай ей самый большой сердечный привет. Деду тоже тысяча приветов.

С глубокой и нерушимой верностью шлет тебе горячий привет от всего сердца
твой любящий Эрнст.

Берлин, 10 июня 1935 г.

Моя дорогая Роза!

Троица! Пять часов. Меня охватывает сумрачная мгла. Встаю у стены под окном, глотаю свежий утренний воздух, смотрю в окно камеры, через три ряда железных прутьев, в далекую синеву неба.

Легкая дымка заволакивает небо, кое-где по нему быстро проносятся белые облака. Вот и проглянуло утреннее солнце, солнце тропцы, возвещая начало тропцына дня. Светло и прекрасно засияло утро. Яркий, утренний свет падает на одну половину тюремной стены и окрашивает ее в искрящийся васильковый цвет, в то время как другая половина еще лежит в фиолетовой тени.

Кругом царит глубокая тишина. Только птицы поют свои утренние песни. В голубом просторе стремительно проносятся ласточки, сверкая иногда в прекрасных солнечных лучах.

В самой глубине моей души рождается мысль о том, как все же мал и пустынен этот здешний мирок, эта пустота безлюдья и одиночества. Стою, охваченный раздумьем, совсем тихо и безмолвно. Вдруг издалека до меня доносится эхо пронзительных свистков локомотива. Дорогая родина! Вновь вспоминаю твой далекий образ. Передо мной проходят живые, широкие, незабываемые картины прежних тропц. Вот уже третью тропцу вынужден я пережить, прозябая в этом давящем и оупляющем тюремном мире; каким длинным кажется мне этот отрезок времени, но вместе с тем, как быстро бежит время! Когда же наконец придет тот счастливый час, то новое тропцыно утро, утро золотой свободы?

Тысячу горячих приветов из Моабита шлет вам всем

ваш любящий Эрнст.

■

Берлин, 18 августа 1935 г.

Моя дорогая Роза!

Мое сердце вновь и вновь влечет меня к вам... Мне очень тяжело продолжать молчать и оставлять вас без ответа. Твое последнее письмо напоминает, что я не должен забывать писать вам. И ежедневный вопрос нашей Ирмы: «Папа еще не написал?» — тоже не оставляет меня равнодушным. Ведь я и без того всегда мысленно с вами, чувствую, страдаю и радуюсь вместе с вами, хотя тишина этих тюремных сводов и бездушное прозябание под ними способны превращаться в медленно умерщвляющий яд для человека, живущего духовной жизнью. Не отравляй по крайней мере нашей Ирмы ее детской радостью, она имеет право на радость и веселье, на ее юную душу не должна падать тень, с годами она это поймет и будет благодарна за это своим родителям.

С радостью получил твои письма от 8.VIII, 14.VII, 23.VI и приуроченное к троице письмо от 3.VI (оно было выдано мне только 14.VI). Кроме того, с благодарностью получил 4 открытки к троице — от тебя, от Ирмы (из Мельн-Лауэнбурга), от Рудольфа и одну из Магдебурга (имя отправителя мне неизвестно). Не забыл я и об открытке от 4.VI, отправленной нашей Ирмой из окрестностей Ольсдорфа и выданной мне вместе с твоим письмом от 3.VI. Далее следуют в порядке поступления: открытка от компании, собравшейся на день рождения деда, твоя открытка

из Веллингсбюттеля, открытка от племянника Ганса и открытка из Зюльфельда в Гольштейне. Передай от меня всем написавшим самую горячую сердечную благодарность.

Вчера мне сообщили доставленное в тот же день решение 2-го сената палаты народного суда по вопросу о недопущении к отправке моего письма другу Рудольфу. Решение гласит: «Постановление от 22 июня 1935 г., не разрешившее отправку письма обвиняемого от 5 июня 1935 г., остается в силе. Это письмо имеет политическое и пропагандистское содержание. Оно во многих местах и в высокой степени обнаруживает отсутствие той сдержанности, которую надлежит соблюдать подследственному заключенному в своей переписке с внешним миром. Кроме того, сенат считает, что высказывания в их существенной части предназначены отнюдь не только для получателя письма лично, но и для более широких кругов». Таково решение.

Когда я писал это письмо другу Рудольфу, в мои намерения отнюдь не входило составить его так, чтобы помимо Рудольфа оно могло стать предназначенным и для других кругов. Если бы у меня было такое намерение, то почему я не писал Рудольфу раньше (я молчал более двух лет), когда... было вынесено решение о допуске моих писем к отправке? Только моя привязанность к Рудольфу с поры детства и юности, большая дружба Рудольфа с моим любимым, дорогим отцом и тот отрадный факт, что он меня не

забывал и постоянно писал, побудили меня наконец написать ему письмо.

Это было внезапное побуждение, за которым в тот момент, когда я писал письмо, не скрывались никакие другие намерения. Конечно, всегда существует такая опасность, что мои письма читают другие лица, не являющиеся адресатами, независимо от того, даю ли я повод к этому и оказываю ли на это влияние. Дорогая Роза, ведь к тому же я последовал твоим неоднократным просьбам написать ему письмо или открытку... Что послужило главным поводом написать письмо Рудольфу и что меня особенно связывает с ним? Самое драгоценное — это обилие моих воспоминаний о дорогой родине, о родном Гамбурге, о дорогих родителях, о детстве и юности. Ничто не может стереть в памяти красок родного края, заглушить его музыку, заменить его картины, ничто не может заставить забыть жизнь на родине. Детство и юность встают передо мной, полные воспоминаний! Как охотно погружаюсь я в прошлое и вновь переживаю события, давно минувшие, но еще и поныне живущие в памяти! Память освежается и напрягается! Меня увлекают эти воспоминания о родине моих юношеских лет, я никогда не забуду тех многих интересных вечеров, которые Рудольф провел вместе с моим незабываемым отцом.

Не каждому приходится снова и снова описывать в письмах монотонную и механическую жизнь в тюрьме, постепенно это становится скучным. А что может быть безотраднее скуки?! Жизнь здесь порой становится

ся столь бедной, столь бесцветной, столь черствой, столь чуждой! Ведь одинокому человеку как-то надо пытаться ободрять себя, если он не хочет закостеть и скиснуть духовно. А кто может пожелать себе этого? Ведь человек, находящийся в заключении, хочет перекинуть мост через разлуку, созданную обстоятельствами, чтобы поддерживать связь с родными и близкими хотя бы только в письмах. Искусство писать письма обнаруживается не в форме, оно заключается в том, чтобы передать настроение, выразить участие, сердечную теплоту, внутреннюю, тесную жизненную связь. Даже полнейшее одиночество порой обогащает человека мыслями и воспоминаниями о родине и оказывает чудесное воздействие на понимание им прошлого, даже если он и не владеет всеми своими силами, не мыслит так свежо и гибко, как мыслил на свободе. И как можно ответить отсюда на верность другого человека иначе, чем живо написанным письмом?! Ведь и без того довольно трудно писать письма, когда разрешен лишь определенный выбор материала для них. Письма без содержания я пишу неохотно и редко. Конечно, нет правил без исключений. Кто сам переживает радость и испытывает боль, тот и в письме может многообразно выражать чувства самой глубокой симпатии к другому человеку. Я горжусь и впредь буду гордиться той любовью, которая соединяет меня с другом моего покойного отца, своей нерушимой верностью человеку, состарившемуся и поседевшему на родине, человеку, который честно и храбро прошел

через жизнь, который теперь, может быть, уже потерял работоспособность.

В остальном решение 2-го сената палаты народного суда уведомляет меня об основных и решающих причинах недопущения этого письма к отправке, и теперь я испытываю облегчение в связи с тем, что этот инцидент наконец исчерпан.

Возможно, теперь я напишу Рудольфу такое письмо, содержание которого позволит меньше опасаться возможности передачи его другим лицам. Здесь в камере ничего не изменилось.

Любовь и сердечные приветы шлет вам всем

ваш любящий *Эрнст.*

[Берлин], 27 августа 1935 г.

Моя дорогая Роза!

Твою открытку от 18.VIII получил с благодарностью. В последний четверг здесь был большой осмотр, проведенный некоторыми делегатами Международного конгресса по вопросам уголовного права и тюремной системы, заседавшего в Берлине. Когда меня вызвали на прогулку, я уже предчувствовал, что сейчас подвергнусь «обозрению» представителей разных народов. И верно! В двух комнатах стояли делегаты, некоторые у стен, друг возле друга, чтобы оставаться незаметными. Но уже при первом обходе тюремного двора я их обнаружил и вспугнул. Я вспом-

нил, что когда-то в зверинце Гагенбека видел, как рассматривали представителей «цветных» народов, из которых негры зулу и индейцы сну особенно привлекали к себе внимание и возбуждали всеобщее любопытство. Но поскольку во мне, как совсем обычном европейце, нельзя обнаружить ничего поразительного, делегаты приличия ради предпочли немедленно удалиться. Меня постоянно радует, что в мире есть еще люди, которые проявляют ко мне интерес, даже и не будучи моими друзьями. Больше ничего нового. Только одна просьба к тебе. Мои брюки постепенно протираются на коленях. Боюсь, что они не выдержат до процесса.

Тысяча приветов нашей Ирме и деду. Верность и горячий привет шлет тебе
твой любящий *Эрнст* из Моабита.

Берлин, 21 октября 1935 г.

Моя дорогая Роза!

С благодарностью получил твое письмо от 9.X, в котором ты пишешь, в частности, что еще не получила моего последнего письма. Тем временем выяснилось, что напрасно радовалась — твое опасение оправдалось: это письмо не разрешили отправить. В переданном мне извещении сказано: «Отправка письма от 29 сентября 1935 г. не разрешена в виду его политического содержания. Анализ исторических событий на страницах II—VII явно служат лишь для обоснования недопу-

стимых политических выводов на странице VIII».

Уж не думают ли, что мне надоест писать письма, если станут не пропускать почти каждое серьезное письмо, содержащее отдельные политические рассуждения? Это маловероятно и неприемлемо. На каком, собственно, основании не допустили к отправке мое последнее письмо? Я написал его, исходя из насущной потребности, и только потому, что в конце его высказал правду по одному политическому вопросу, оно было задержано.

Ведь наша нынешняя совместная духовная жизнь в значительной части проявляется в наших письмах. Неужели я должен отказаться писать письма, отречься от этого удовлетворения своей насущной потребности, от этого проявления своего жизненного чувства? Нет! Мне было бы тяжело отказаться от этого: молчание повседневно беспокоило бы меня и делало бы намного тяжелее одинокие и безмолвные часы моего заключения. Если бы я уже стал человеком, чувства которого охладели и погасли, то пожалуй, мог бы, терпеть это, но во мне еще жива любовь к человеку, любовь к ближнему, которую нельзя оградить холодной решеткой тюрьмы. Здесь, в полнейшем одиночестве, все же пытаешься как-то выразить свои мысли, свою духовную жизнь, вспоминая ли любимую родину, нашу борьбу, полную превратностей и испытаний, собираясь со всеми духовными силами, занимаясь кропотливыми поисками чего-то животного, чем и является в жизни политика...

Увековечить в письмах незабываемые часы прошлого мы можем серьезно только тогда, когда правда говорит с правдой, то есть в данном случае, когда затрагиваешь и анализируешь нашу политическую борьбу. Где здесь еще можно искать и найти утешение и прибежище чувствам, где проявить тесную духовную взаимосвязь, как не в письме! Ведь это еще возможно, пожалуй, только в нем! Жизнь и обстоятельства вызвали эту нежеланную разлуку, но наша воля может преодолеть ее или перекинуть через нее мост, чтобы человек общался с человеком, душа с душой, хотя бы только письменно. Чувство духовного единства и нерушимая прочная любовь, соединяющие нас, противоборствуют разлуке, которую нам навязывают тюремные затворы. Письмо создает возможность общения между людьми, стремящимися к одной цели и теснейшим образом связанными между собой... Письмо, в котором ведь вполне можно выразить самые глубокие движения души, должно помочь нам преодолеть нежеланную разлуку и придать нашей совместной жизни определенную духовную форму и связь.

То, что один человек ощущает, чувствует, обдумывает, желает в самой глубине души в течение всей своей жизни, никто другой не переживает так, как он. То, что человеку, оказавшемуся в одиночестве, приходится решать, совершать, добиваться, идя на жертвы, испытывать в заботе и радости, переживает лишь он один. Все значительные события жизни (от первой любви до смерти родителей), любое важное решение, всякую возло-

женную ответственность, каждую сильную боль и печаль — все остро переживает он в одиночестве. Лишь очень немногим людям довелось пережить полнейшее одиночество в обстановке крайнего бедствия — одиночество потерпевшего катастрофу в бушующем море или в глубокой шахте, забытого на поле боя или запертого в тюремной камере. В таком одиночестве человек ищет и находит самого себя, находит он и своих друзей, своих страдающих собратьев, самых верных, близких ему, и пытается помочь им хотя бы только письмами.

Ведь этот голос сердца, эта любовь к людям стремится найти какое-то выражение. Но как бесконечно трудно оказывается при этом соблюсти границу, не нарушить или не перешагнуть ее! Кто берется писать письма, не приближаясь к этой духовной границе, никогда не впадет в искушение. Но тот, кто пытается излагать свои мысли в письме и доходит при этом до невидимой границы, а затем и переходит ее, не осознавая этого, тот рискует, что его письма не будут отправлены. Конечно, это не значит, что такая опасность вызывается преднамеренно, но что же делать, если мысли, которые постоянно мучают меня, и испытываемая мной настоятельная потребность сообщить их тебе в большинстве случаев заставляют меня вторгаться в эту опасную зону!

Семейные вопросы, а также анализ исторических событий, в неотправленном письме от 29 сентября с. г., должны быть доведены до твоего сведения. Сегодня только интимные

вопросы, а в следующем письме ты получишь часть письма от 29 сентября, содержащую анализ исторических событий, которому будет особенно рада Ирма. С благодарностью получил твои письма от 27.VIII и от 19.IX, открытку от нашей Ирмы, написанную во время поездки на Гельголанд, открытку от Ганса из Люнебургской пустоши (Немецкой степи) и открытку от друга Рудольфа Хенерта. Оказывается, Хенерт меня не забыл, несмотря на свой преклонный возраст. Это меня особенно радует. Передай ему через деда мой самый сердечный привет. Ведь наша Ирма почувствовала, когда была с тобой у меня, что я до глубины души обрадовался неожиданной возможности повидаться с ней, не так ли? Я заметил, что она постепенно становится более зрелой, независимой и уверенной.

Ты встретила тетю Лину в Ольсдорфе. Исключительная, но счастливая случайность! Прошло уже 16 лет с тех пор, как тогда, в начале ноября, мы выкапывали последний картофель с помощью ее и других! Как давно это было, и все же как быстро бежит время! В этом отношении в твое последнее письмо вкралась ошибка в подсчете: ведь, включая военные годы, в нашем браке было не пять с половиной лет нежеланной разлуки, а почти шесть с половиной — в целом примерно столько же лет, сколько мы вместе учились в школе.

Ты справедливо пишешь, что за два с половиной года со дня моего ареста произошло так много событий, что о них можно было бы написать книгу. Этим еще слишком мало ска-

зано, ибо на самом деле можно написать целый ряд книг! Общая картина мира уже только за последние месяцы дала такое обилие мыслей и побуждений к ним, что этого вполне достаточно для толстой книги. Как я хотел бы выразить и сообщить тебе некоторые мысли, которые гнетут и мучают меня, мысли, которые целиком заполнили мой мозг! Если бы можно было писать, что думаешь, это было бы великоленно само по себе и в то же время большим, душевным облегчением для меня. К сожалению, я скован строгими рамками и принужден соблюдать в переписке условия, которые мне предписаны.

Затем [в письме от 29 сентября 1935 г.] следует анализ исторических событий, который, как ни жаль, остается пока неизвестным тебе и нашей Ирме. Его я сообщу вам в следующем письме.

В своих последних письмах ты отмечаешь, что дед устал от поездки в Берлин. Как видишь, преклонный возраст уже серьезно дает о себе знать. Правда, лечение доктора Мольтрехта хорошо помогло ему. Значит, наша Ирма скоро будет путешествовать по окрестностям Гамбурга, наслаждаться вольным простором прекрасной природы и любоваться красотами видов Гамбурга! Если не слишком уставать, это полезно для здоровья, укрепляет тело и бодрит дух. Приветствую ее сердечно много раз. Деду желаю улучшения здоровья и шлю самый горячий привет.

Тысячу приветов от всего сердца шлет тебе

твой любящий Эрист.

■

[Берлин, конец октября — начало
ноября] 1935 г.

[Из письма Эрнста Тельмана дочери Ирме]

...Когда к твоему 15-летию я написал тебе серьезное письмо с отеческими наставлениями, то не подозревал, что процесс по моему делу еще не состоится и до твоего 16-летия. Хочу сегодня лишь кратко дополнить содержание того письма. Пусть же это короткое письмо доставит тебе небольшую радость к твоему 16-летию 6 ноября.

Прошло уже 16 лет с тех пор, как ты родилась — год спустя после окончания мировой войны. Как много забот, как много радостей жизни успела ты пережить вместе со своими родителями за эти годы! Никто из нас не знает, какие судьбы будут определять в дальнейшем твой жизненный путь. Но одно мы знаем: судьба и опыт жизни не могут не оказать влияния на твою душу, будут укреплять тебя в жизненной борьбе и закалять твое юное сердце. Богатство твоей юной жизни будет постепенно расти с приобретением нового опыта, с новыми переживаниями, а также благодаря творческому духу и воле твоей собственной боевой природы... Будь и оставайся верной и храброй во всех своих жизненных задачах! Неуклонно исполняй великий долг перед своей дорогой матерью! Закаляй свой организм гимнастикой и спортивными упражнениями, постоянно укрепляй свое драгоценное здоровье!

В этом смысле я желаю тебе всего хорошего ко дню рождения и надеюсь, что твоим поступкам и делам в дальнейшей жизни будут сопутствовать счастье и удовлетворение!

Пусть мрачные времена не отравят тебе этот день, проведи его в кругу своих друзей, родных и знакомых радостно и весело! Пусть следующий день рождения доставит тебе и нам великую радость оказаться вместе на свободе, пусть приблизится час, когда ты сможешь радостно обнять и приветствовать своего отца! Такой желанный радостный час был бы лучшим подарком ко дню твоего рождения. От всего сердца поздравляю тебя с днем рождения и шлю тебе самый искренний привет.

С горячим поцелуем

твой любящий отец.

Отправитель Эрнст Тельман
Следственная тюрьма Альт-Моабит;
в настоящее время в превентивном заключении

Берлин, 15 ноября 1935 г.

Сегодня я хочу выполнить свое обещание и сообщить тебе ту часть неотправленного письма от 29 сентября 1935 г., которая содержит анализ исторических событий...

Моя дорогая Роза!

В письме от 15.XI с. г., которое так бесследно исчезло, я сообщил тебе часть моего

неотправленного письма от 29 сентября с. г., содержащую анализ исторических событий, а кроме того, решение 2-го сената палаты народного суда и постановление гестапо по моему делу.

Отдельные мои комментарии и конец письма от 29 сентября здесь отпадают, из-за чего, правда, смысл и содержание настоящего письма будут менее полны, но тем не менее понятны. Некоторые события последнего времени напоминают мне романтические вымыслы, небылицы, рассказы о привидениях и ведьмах, мистификации, выдуманные историйки, басни, фантастические сказания и разные легенды из исторического прошлого. Здесь будут приведены с намеками лишь некоторые примеры из прошлого и настоящего... Непреходящи, например, сказания о героях древних времен, о Роланде, Зигфриде и херусках. Рядом с доблестным Зигфридом в «Песне о Нибелунгах», в этом грандиознейшем творении, воплотившем традиции древней истории нашего народа, действует свирепый и коварный Хаген, у Гёте рядом с Фаустом подвизается Мефистофель, рядом с рыцарем у Дюрера скачут смерть и дьявол. Во всех этих символических картинах трагическая сила противоречий выражается резче и весомее, чем идеал. Незабываема и известная швейцарская легенда о Вильгельме Телле, на основе которой наш Шиллер создал свой шедевр «Вильгельм Телль», это прекрасное воплощение шиллеровского пророчества свободы, любимая пьеса моих ранних юношеских лет.

Настоятельно рекомендую тебе и нашей Ирме еще раз прочесть с полным вниманием эту драму свободы, так же как я имел возможность сделать это здесь.

Теперь перехожу к примерам.

Романтическая легенда о ландграфе Людвиге Тюрингском, жившем в XI веке, повествует о том, что он был заточен в темницу, после того как убил мужа саксонской пфальцграфини Адельгейды, но он вернул себе свободу, совершив безумно смелый прыжок в реку Заале из окна замка Гибхенштейн, близ Галле. Хронисты говорили о нем как о Людвиге Прыгуне, и лишь позднее выяснилось, что это ошибка. Дело в том, что у Людвигга было прозвище «салнец», («Salier», по-латыни Salicus), а один невежественный монах-переписчик перепутал это слово и вместо «Salier» написал «Saliens», что по-латыни означает прыгун. Ложное прозвище переписывалось из одной хроники в другую, а позднее какой-то хронист добавил и сказку о прыжке в реку. Так со временем и появилась эта легенда из-за ошибки переписчика.

Фантастическое сказание о гамельнском крысолове возникло, по всей вероятности, из-за превратного толкования одной росписи на стекле в церкви на рыночной площади Гамельна. Роспись эта, по-видимому, оживляла в памяти людей картину битвы при Зедемунде в 1259 г. В этой кровавой схватке с вассалами епископа Минденского были перебиты почти все молодые люди Гамельна, способные носить оружие. На первом плане картины

позображен предводитель в пестром одеянии, а за ним — сильно уменьшенная — толпа его воинов. Последующие поколения уже совсем не могли понять исторический смысл картины и, вспоминая о внезапном уничтожении гамельнской молодежи, превратили толпу воинов в толпу детей, а пестро одетого предводителя в приплясывающего перед детьми крысолова. Вероятно, это толкование сложилось во второй половине XVI века, так как до 1540 г., то есть до победы реформации в Гамельне, еще регулярно проводилось чествование памяти павших при Зедемюнде, хотя смысл этого чествования, правда, уже давно никто не понимал. Закливание волшебниками вредных животных (таких, как крысы и т. п.) в средние века отнюдь не было необычным явлением; этим весьма убедительно объясняется возникновение упомянутого сказания.

Далее, фантастическая история о графине Кунигунде фон Орламюнде, повествующая о последних днях ее жизни. Согласно этой истории, Кунигунда, будучи вдовой, собиралась выйти замуж за нюрнбергского бургграфа Альбрехта Красивого. Но тот сказал ей, что их бракосочетанию мешают четыре глаза. Графиня решила, что эти слова относятся к ее обоим детям от первого брака и умертвила их. Тогда Альбрехт, имевший в виду вовсе не ее детей, а своих родителей, противившихся его браку с Кунигундой, велел якобы казнить ее как мать-детоубийцу. Эта история выдумана от начала до конца, так как графиня фон Орламюнде не была казнена, а умерла

благочестивой смертью в 1351 г., будучи аббатисой. Эта фантазия возникла из превратного толкования одной надгробной плиты в монастыре Химмелькрон. На ней изображен молодой рыцарь, опирающийся на меч с гербом, поддерживаемый двумя путти¹. Его-то и приняли за женщину с двумя убитыми ею детьми!

В другой легенде говорится, что император Карл V провел последние дни своей жизни в монастыре св. Юста, пытаясь синхронизировать работу ряда часовых механизмов. Эта легенда, вероятно, была вызвана к жизни шотландцем Уильямом Робертсоном, который примерно через 200 лет после смерти императора утверждал, что Карл раскаивался в том, что, подобно тому как пытался синхронизировать монастырские часы, показывавшие разное время, хотел принудить всех своих подданных исповедовать одну-единственную религию. В «Истории немецкого народа» Эдуарда Дуллера император Карл изображен с маятниковыми часами, но это противоречит тому факту, что маятниковые часы были изобретены голландцем Христианом Гюйгенсом лишь в 1656 г., тогда как Карл V умер еще в 1558 г.?

В свое время кое-кто хотел приписать драмы Шекспира философу Бэкону, утверждая, будто последний лишь прикрывался именем Шекспира. Позднее эта версия была

¹ Путти — декоративный мотив в живописи и скульптуре, изображение мальчиков, часто крылатых. — *Прим. перев.*

разоблачена как фальсификация, поскольку установили, что об авторстве Бэкоца не может быть и речи.

Серия легенд о короле Саксонии Августе Сильном может много порассказать о его мужестве и силе. Его иногда даже называли саксонским Геркулесом, говорили, что он руками ломал подковы и без труда гнул серебряную посуду и твердые талеры. В Нюрнберге он якобы врывался на шестерке лошадей в винный погребок при ратуше, пистолетным выстрелом гасил свечу в другом конце зала и тут же лихим галопом мчался прочь. Подобные вещи рассказывали о нем открыто, а тайком шушукались о его бесчисленных любовных похождениях и позднее о его 360 детях.

Во многих биографиях Гёте рассказывается о том, с каким воодушевлением его будто бы приветствовали в театре во Франкфурте-на-Майне в 1814 г. по случаю представления «Тассо». Якобы, когда он появился в ложе, публика с ликованием ему аплодировала, его увенчали лаврами и широко чествовали. В действительности же давали не «Тассо», а оперу «Тит» и господином тайным советником (то есть Гёте) никто из публики не интересовался. Виллемер, друг Гёте, был так сильно раздосадован этим, что тотчас же решил послать в местную газету «Моргенблатт» вымышленное сообщение о великодушном приеме Гёте во Франкфурте-на-Майне, его родном городе. Это сообщение действительно появилось в номере от 28 сеп-

тября 1814 г., и именно на него еще и ныне ссылаются биографы.

В конце августа 1835 г. американский журналист Ричард Локк осуществил самый отчаянный и успешный газетный блеф, шедевр очковтирательства, какой только можно обнаружить в анналах прессы. Всемирно известный астроном д-р Джон Гершель в январе 1834 г. отправился из Англии в Африку и построил обсерваторию на мысе Добрая Надежды. Вскоре журналист Локк принялся сочинять для нью-йоркской газеты «Сан» сенсационные «фактические сведения» о фантастических открытиях Джона Гершеля, которые он якобы получал от «надежного авторитета» — д-ра Гранта, ассистента исследователя. В своей серии статей, выставлявшей день ото дня, он дошел до того, что стал излагать собственные измышления так авторитетно, будто бы они были чпстейшей правдой. Так, якобы д-р Джон Гершель в новый гигантский телескоп наблюдал такое важное явление, как населенность луны. «Сотрудник» д-ра Гершеля утверждал в своем сообщении, начинавшемся относительно правдоподобно, «что Гершель уже сделал в своей обсерватории с помощью телескопа колоссальных размеров самые необычайные открытия на всех планетах нашей солнечной системы и даже видел планеты других систем и предметы на Луне столь же отчетливо, как на Земле видны предметы на расстоянии 100 ярдов (91,4 метра); далее, он утвердительно ответил на вопрос, есть ли жизнь на Луне». Затем, «сотрудник» д-ра Гершеля уверял, «что

шаг за шагом на луне были открыты кристаллические лунные скалы, пышная лунная растительность, всевозможные лунные животные и, наконец, крылатые лунные люди». С удивительной ловкостью Локк увеличивал число таких сообщений в газете из номера в номер, смешивая их с отдельными описаниями и с точными научными данными, так объясняя невероятное, что оно казалось почти вероятным. В Америке эффект был ошеломляющим. Этому вздору поверили. Наглость побеждала по всей линии. Газету «Сан» всюду покупали нарасхват, тираж ее стремительно рос; благодаря широкому интересу публики к ловким, лживым хитросплетениям Локка она стала одной из крупнейших газет Нью-Йорка. Вскоре описания этих «совершивших переворот открытий» Гершеля вышли и отдельной книгой, красиво иллюстрированной и к тому же изданной на нескольких языках. В Гамбурге уже в 1836 г. была издана чрезвычайно серьезная брошюра под названием «Новейшие сообщения с мыса Доброй Надежды... касающиеся луны и ее обитателей» (Гамбург, издательство Иоганна Филиппа Эрве, 1836).

Лишь спустя несколько недель Гершель услышал о своих «научных успехах», которыми восхищался Нью-Йорк. Один американец, владелец зверинца, привез ему в Капштадт статьи Локка. Историк газеты «Сан» Фрэнк М. О'Брайен позже рассказывал, как астроном воспринял такую радостную весть: «Мягко сказать, если уж на то пошло, что сэр Джон был убит. Прочитав эту историю,

он пошел к Келебу Уиксу, доставившему ее ему, и заявил, что совершенно потрясен, что вообще не может надеяться, что когда-нибудь оправится от постигшего его удара судьбы».

В Берлине ходит слух, что Геринг был у Тельмана в Моабите и Тельман на прощание крикнул ему: «Приветствуйте от меня моих СА!»¹ В Гамбурге рассказывают, что Тельман из Моабита просил передать привет морским СА². И то, и другое следует рассматривать как жирную «утку». Как часто из старых рассказов, шуток, слухов и легенд возникают мнимые истины, которые находят дальнейшее распространение в течение более или менее продолжительного времени, иногда даже на протяжении столетий, до тех пор, пока их, наконец, не подвергают исследованиям, устанавливающим и разоблачающим их ложность. Это тем более побуждает к тому, чтобы постоянно помнить о них в аналогичных случаях и в настоящее время. Конечно, легенда есть легенда, ложь есть ложь, ошибка есть ошибка, правда есть правда и должна быть правдой.

Ведь и в настоящее время, к сожалению, слишком часто используются столь различные мерки как при толковании понятия истины, так и при оценке действительности. Приведем сначала один наглядный пример. Когда английский министр иностранных дел

¹ СА — Sturmabteilung — штурмовые отряды, одна из военных организаций нацистской партии.— *Прим. перев.*

² Морские СА — одно из формирований штурмовых отрядов.— *Прим. перев.*

Самюэл Хор пропзнес свою первую шпроковещательную речъ в Женеве на сессии Лиги наций, английская пресса утверждала: «Это одна из самых великих речей в мировой истории», а вот итальянская газета «Стампа» выражала: «Эта речъ является памятником лицемерия». Этот простой пример иллюстрирует две крайне противоположные точки зрения на одно и то же событие. Понятие «истина», в общем, совершенно по-разному истолковывается и так же применяется...

Здесь я заканчиваю часть неотправленного письма от 29 сентября с. г., анализирующую исторические события. В заключение еще несколько кратких, но интересных сообщений и одновременно одно сенсационное... Сегодня, 15 ноября, во второй половине дня мне лично прислали и под расписку вручили следующее решение 2-го сената палаты народного суда от 1 ноября (следует текст¹). Вчера, 14 ноября, мне лично передали следующее постановление гестапо от 1 ноября (следует текст²). Далее, мне сообщили, что я останусь в превентивном заключении здесь, в Моабите. Мучительной неизвестности относительно процесса тем самым пришел конец. Свет озаряет наш новый путь. Этот луч надежды позволяет нам легче забыть самые жестокие беды прошлого. Все подробности — через адвокатов.

Твое милое письмо от 1.XI.1935 г. (в этот день были составлены оба вышеуказанных

¹ См. приложение № 1, стр. 157.

² См. приложение № 2, стр. 158.

решения) и умное письмо пашей Ирмы получил и прочел с огромной радостью. Отвечу на эти письма в ближайшние дни. Сердечный привет деду.

Горячие искренние приветы шлет тебе и Ирме

ваш любящий Эрнст.

Привожу здесь повторение отдельных мест из неотправленного письма от 29 сентября (вставить в начало письма!): в ранние и поздние периоды древности, в средневековье и в новое время постоянно имели хождение разного рода рассказы о привидениях и ведьмах, а также ложь, лицемерие, неверные представления, превратные толкования, ошибки и недоразумения в истории и политике, но то, что в XX веке, и особенно в последнее время, такие устаревшие методы и небылицы отчасти снова могут находить отголосок и распространяться, свидетельствует о возникновении опасной зоны в этой довольно немаловажной сфере [общественной жизни]... Кое-кто при желании может с помощью прессы осудить на смерть любую истину. На сегодня кончаю.

Нашей Ирме тысяча горячих приветов. Сердечный привет деду. От всего сердца тебя приветствует

твой любящий Эрнст.

■

[Берлин, конец 1935 г.— начало
1936 г.]

[Из письма Эрнста Тельмана жене Розе]

...Рождество 1935 г.! Одинокий и изолированный от мира, уже третий раз встретил я рождество здесь, в тюремной камере! Прошло уже три рождества в Моабите, но на этот раз рождество в «превентивном заключении»...

Вторая половина дня приближается к вечеру. Рождество! Постепенно наступила тьма. В то время когда на улице метет пурга и трещит мороз, я прозябаю здесь в одиночном заключении. Слышится отзвук медленных шагов часовых по тюремному двору, а иногда по коридорам внутри корпуса; временами лай собак нарушает общую тюремную тишину. Мой взгляд скользит сквозь железные прутья оконной решетки, которые расположены близко друг от друга и глубоко вделаны в прочную старую стену. По светлому, сверкающему звездами небу быстро мчатся белые облака. Вдали звонят церковные колокола... От бурлящей, многоголосой жизни улиц большого города, отзвуки которой иногда проникают через прутья решетки, я здесь полностью изолирован.

Бывают иногда моменты, когда во мне преобладают боль и горечь, порождаемые этой моей столь жестокой судьбой. Так было и к концу второй половины дня накануне рождества. Погруженный в глубокое раздумье, я вызываю в памяти многое забытое из былых

времен и из счастливых юношеских лет. Вспоминаю о моей далекой родине, о моих любимых дома... Я знаю, я чувствую, что у домашнего очага — моя Роза, наши Ирма и дед, а также родные, знакомые и друзья, что они думают обо мне и им недостает меня. С большой любовью думаю я о тебе и о былом. Многообразные воспоминания о пережитом в моем родном городе Гамбурге, о нашей общественной и семейной жизни, о нашей жизненной борьбе проносятся передо мной... О, как преходяще и кратковременно все прекрасное на земле! Оно приходит как чудо и улетает как счастье...

Но вера в собственную силу всегда одерживает верх... Я решительно выпрямляюсь, по-прежнему твердо и смело, хотя и страдая, смотрю в лицо неизбежному, с хладнокровием и новой жизненной энергией собираю все свое терпение. Вот я уже и избавился от мучений, от вызывающих боль воспоминаний. Снова хожу по камере взад и вперед... Затем вдруг беру книгу Достоевского «Раскольники»¹. Уже пролог захватывает меня и быстро паводит на другие мысли. Книга — единственный друг, который здесь со мной неразлучен. Я читаю, читаю часами, пока не раздастся звон колокола — сигнал ко сну. Между тем все беды забыты, все печали вытеснены из души, я снова счастлив и доволен...

¹ Заголовок некоторых немецких переводов романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». — *Прим. перев.*

...Есть ли у нас в канун Нового года более горячее пожелание, чем пожелание обрести в ближайшей перспективе долгожданную свободу? ...С этим пожеланием, с этой надеждой, вступаем мы в Новый год.

С Новым годом! Желаю вам всем наилучшего здоровья, счастья и исполнения желаний, надеюсь на скорое свидание на дорогой родине.

Твое письмо от 24.XII и письмо Ирмы от 19.XII получил сразу же после рождественских дней и прочел с огромной радостью. Как Ирма радовалась моему письму, так и я радовался ее письму. Это умное и приносящее радость письмо, от которого веет свежестью и благожелательностью. Кратко отвечаю здесь на это письмо, выражаю ей за него мою глубочайшую благодарность. Пусть Ирма постепенно добивается дальнейших успехов. На ваши письма отвечу в следующий раз. Я очень опечален, узнав из твоего письма, что со здоровьем у деда обстоит нехорошо. Но будем надеяться на лучшее! Желаю ему всего хорошего и улучшения здоровья...

Горячие искренние приветы шлет вам
ваш любящий Эрнст.

■

Берлин, 26 января 1936 г.

Дорогой друг Рудольф!

Уже давно меня тянет написать тебе, любимый дорогой друг, если по старой памяти я еще могу называть тебя так. Я хотел доставить тебе к Новому году неожиданную радость, но, к сожалению, моя открытка не была допущена к отправке. Прежде всего прими мою горячую и полную любви благодарность за твои многие открытки и равным образом за то внимание, которое ты всегда проявлял ко мне за время моего длительного заключения. Не злая воля или безразличие были причиной того, что я так редко отвечал тебе: ведь даже величайшая благодарность выражается иногда молча. Тебе делает честь, что ты помнишь и о тех, кого преследует судьба.

К сожалению, я не могу написать тебе всего, что хотел бы сказать. Далеко от тебя, прозябая в одиночестве и безмолвии тюремной камеры, я чувствую, как тяжело переносить и это бремя, прибавляющееся ко всем остальным тяготам, которые возлагает на меня судьба. Раньше я никогда не чувствовал так сильно и не представлял себе так реально, что значит находиться в одиночном заключении и быть изолированным от людей,

какое психологическое воздействие оказывает это с течением времени на мыслящего человека, если он принужден так жить годами. Для меня это новая школа жизни, причем многие испытания и страдания на моем бурном жизненном пути в прошлом отнюдь не могут служить здесь меркой для сравнения. Гёте метко сказал однажды: «Душа человека, как подобна ты воде, судьба человека, как подобна ты ветру!» Как мало слов, но как много в них смысла и правды... Есть люди, которых судьба забивает и подавляет, в то время как другие люди мужают и крепнут под ее ударами. И если к тому же судьба особенно благосклонна к человеку и хочет одарить его величайшим счастьем на свете, она дает ему верных друзей. Я часто радуюсь от всего сердца, сознавая, что связан прочными узами с такими верными-верными людьми.

Ценность этой нерушимой верности проявляется в высшей мере особенно во времена суровых испытаний. Ибо, когда жизненный путь становится тернистым и каменистым, а борьба жестокой и тяжелой, только тогда и проявляется истинная дружба. Верность — заповедь дружбы, самое драгоценное, что вообще может быть дано человеку...

Что же нас так глубоко и братски соединяет и сплачивает друг с другом? Самое ценное — разнообразные воспоминания о дорогой родине, о Гамбурге, о беспокойном времени моего детства и юности! Десятилетия тесной связи с моими дорогими родителями, особенно с моим любимым отцом, и наконец,

наша совместная работа па производстве никогда не изгладятся у нас из памяти. Родные места, где я вырос и куда вновь и вновь возвращаюсь душой, многое, пережитое мной в родительском доме, — вот то, что прочно и глубоко скрепило нашу дружбу. Никогда не забуду многие-многие увлекательные вечера, которые ты провел вместе с моим дорогим отцом, и мысленно снова переживаю веселые и печальные времена в жизни друга моего отца. Меня радует то, что на протяжении моего заключения ты постоянно был верен и писал мне. Это еще крепче спаяло нашу сердечную дружбу.

Твои приветы с родины облегчают мне здесь порой почти безутешную судьбу и тем больше напоминают о твоей старой дружбе с моим столь горячо любимым отцом, так внезапно утраченным. Прошло целых два года с тех пор, как на меня обрушилась глубоко потрясающая, полная скорби весть: моего отца больше нет, он умер. Я не мог закрыть ему глаза, мне, единственному сыну, не разрешили отдать ему последние почести. Моего отца больше нет, он покоится — я часто думаю о нем и о его тихой могиле — в Ольсдорфе. Едва лишь немного зажила мучительная рана, нанесенная этой жесточайшей утратой, как в наступившем году меня уже постиг новый удар — смерть ставшего мне дорогим доброго сердцем тестя. Моя мужественная жена скорбит о своем горячо любимом отце, моя дочь потеряла любящего деда. В родной земле покоятся теперь вместе с моей дорогой матерью мой отец и поблизости от них — мой

тесть. Опустело их место в нашем кругу, но мы будем всегда глубоко чтить их и хранить о них верную память.

Дорогой Рудольф, как охотно я погружаюсь в глубину их и моего прошлого и вызываю в памяти былые, но все еще свежие переживания! Дух оживляется, память освежается и напрягается. Изоляция и одиночество иногда даже обогащают человека мыслями и воспоминаниями и оказывают на него чудесное воздействие, хотя он и не владеет всеми своими силами и не мыслит так свежо и гибко, как это было на свободе.

Ты знал меня еще совсем маленьким мальчиком в родительском доме. Ты, вероятно, еще помнишь, как я едва 16 лет от роду ушел из родительского дома и скитался в поисках работы без всякой помощи и без каких-либо средств, полагаясь во всем лишь на самого себя. Уже тогда познал я горькую необходимость самому зарабатывать свой хлеб насущный, чтобы не быть в тягость ни своим родителям, ни другим людям. Я также вел и выдержал борьбу с жестокой силой голода, честно пробивая себе дорогу в этом мире.

Моя суровая судьба рано научила меня чувствовать и понимать жизнь и образ мыслей немецкого рабочего. Сколько раз мы храбро смотрели в глаза нужде и нищете! Как мы хотели работать, когда нам выпал тяжелый жребий безработицы! Однако мы стойко выдержали все, ибо принадлежали к такому классу, который привык к тяготам жизни, но не склонился перед ними. Чем

больше была нужда, тем сильнее стремились мы одолеть ее.

Все мое существо глубокими корнями срослось с трудовым народом, который я полюбил со всей страстью сердца... Гамбургские рабочие и служащие были и всегда останутся моими самыми близкими братьями, они были первыми товарищами в борьбе и страданиях на моем бурном жизненном пути. Непреложным фактом остается то, что мне так часто доводилось делить с ними судьбу и испытания, что узы солидарности, выросшей на почве родины, неразрывны и все еще соединяют меня с ними и поныне. Никогда в жизни не забуду я и огромных впечатлений и переживаний в своем родном краю. Но еще более незабываемо то, что позднее я оказался в горниле жизни всей родины — страны и народа, — величие и значение которой познавал тогда всюду.

Хотя динамика развития изменила многое-многое и ставит передо мной вопрос, почему судьбы людей складываются порой так своеобразно, мои многообразные переживания и опыт, факты из повседневной жизни народа остаются незабываемыми, они были самой надежной опорой в бурной борьбе и поныне все еще поддерживают мой дух. «Собственный опыт есть мудрость», — сказал однажды Лессинг. Его слова точно выражают истину. Повседневная жизнь и полный превратностей опыт трудового немецкого народа были для меня важнейшей сокровищницей, великой школой подготовки к деятельности, фундаментом и духовным снаряжением моей

позднейшей эрудиции. Они очень часто побуждали меня не жалеть своих сил для дела добра и справедливости.

Да, действительно пережитые судьбы, которые люди сами избрали себе, благодаря которым они возмужали и окрепли, производят более потрясающее впечатление, чем те судьбы, о которых можно иногда прочесть в книгах.

В отупляющем одиночестве, в этой духовной тьме, в которой я принужден прозябать здесь, в камере, я страстно жажду встречи с людьми, которые, хотя и живут здесь только в книгах, но порой думают, чувствуют, действуют и страдают, как я. Ведь здесь мои единственные спутники — газеты и книги. Именно в них я все еще могу найти некоторое утешение и радость. Здесь, в этих стенах горя и отчаяния, вести из газет и чтение хороших книг приносят сердечную отраду и духовное обновление.

Хорошо счастливицу, наслаждающемуся свободой, — его не терзает эта душевная мука. Но не следует забывать, что неудержимый ход истории всегда требовал жертв, подобно тому как наша эпоха с ее величием и значением, бурным развитием событий требует закаленных и сильных людей и подвергает их испытаниям, которые они должны выдержать.

О, если бы знать, когда же пробьет последний час, принеся с собой избавление от этой участи?!..

Я хочу пройти через это тяжелое испытание спокойно и стойко, уверенный в себе,

твердый сердцем, чистый совестью, свободный духом и высоко держа голову, мужественно и смело глядя в будущее!

Как шахтеру, засыпанному обвалом в глубокой шахте, сигналы, простукиваемые его братьями по труду, возвещают желанное спасение, как потерпевшему кораблекрушение в открытом море свет маяка приносит надежду, как усталому путнику в темноте ночи мерцающие огни жилья обещают приют на ночь, так и для меня однажды придет время, когда во мраке тюрьмы блеснет луч света, взойдет заря свободы и ярко озарит будущее, полное надежд.

Дорогой друг, так мчатся годы, а воспоминания о былом, как живые, проходят перед нами. Уже много лет прошло с тех пор, как мы виделись в последний раз в обществе моего отца. За это быстро прошедшее время многое изменилось в нашем ганзейском городе. Тем временем ты постарел и поседел и уже не можешь работать на производстве.

Когда же все мы вновь увидимся в дорогом родном краю?

...Одно из моих самых больших пожеланий состоит в том, чтобы было еще суждено пережить тот радостный час, когда я на свободе смогу приветствовать тебя и рукопожатием лично поблагодарить за твою верность. В ответ на многие твои открытки и письма прими эти строки с выражением моей самой глубокой благодарности. Желаю и надеюсь, что это письмо застанет тебя здоровым и бодрым!

Если твои денежные средства позволят, по

прочтении этого письма купи крепкого северного грога и выпей за мое благополучие и нашу скорую встречу! А затем выпей еще за свое и мое здоровье!!!

Большой сердечный привет шлет тебе твой верный друг

Эрнст.

[Берлин, начало марта 1936 г.]

[Из письма Эрнста Тельмана жене Розе]

...Сердечно благодарю за твои письма от 20.I и 14.II и открытки от 2.I и 13.I. Кроме того, большое спасибо нашей Ирме за ее письмо от 1.II. Пусть она утешится тем, что я не забываю отвечать на ее письма. Читая твои письма, я усматриваю два обстоятельства, которые наполняют меня живой радостью: при всей боли, которую ты испытала в связи со смертью своего горячо любимого отца, ты проявляешь непреклонную веру в наше будущее и твердую волю мужественно и смело нести свой тяжелый крест. Несмотря на клевету и ложь, наш верный союз остался нерасторжимым и прочным; тяжелые удары судьбы не ослабили и не подорвали его, а ведь они разрушили многое, что казалось нерушимым. В горниле великих страданий наша истинная любовь предельно закалилась и окрепла, выковалась в неразрывное единство. Еще лишь два дня и минует три года, полные событий, о которых тяжело вспоминать, в этом оупляющем, тоскливом, безлюдном тюремном мире. Что только не прошло

мимо меня! Какие перевороты в жизни народов, какие решающие изменения произошли за это время во всей картине мира!

Как много обвинений и страданий перенес я с мужественной готовностью и прочувствовал вдвойне их тяжесть!.. У кого есть мужество переносить свою судьбу, тот вместе с тем одолевает свои страдания...

И теперь еще несколько слов в память о нашем добром деде, которого отняла у нас смерть... Весь его внешний вид, его физическая слабость и изможденность заставляли предполагать, что он страдал какой-то коварной внутренней болезнью. Несмотря на это, я не подозревал тогда, что это было последнее свидание! Его легкая, быстрая смерть была, пожалуй, избавлением от подкравшейся к нему неизлечимой болезни. Можешь быть совершенно спокойна: ты выполнила свой человеческий долг, его уже нельзя было спасти, и ты не могла больше ничего для него сделать. Смерть деда означает, что ушел от нас человек, душевная доброта которого одаряла и радовала многих... Воспоминание, сохранившееся у меня о том времени, когда я чувствовал эту доброту, сопровождало многие мои переживания как последний луч света, увы, ушедшего прекрасного дня. Его простые и близкие черты, честность права, ласковое душевное тепло поступков, любовь к ближним и умение объединять людей может оценить только тот, кто все перевидал, прочувствовал и сопережил. Иногда он покорял нас своим невозмутимым спокойствием и тихим правом. Конечно, и у него были слабости,

какие присущи многим людям, всем нам в большей или меньшей мере. Судьба сразила его, не дав дожить до моей свободы. Его последние слова выражали сердечную любовь и глубокую привязанность...

Берлин, ... марта 1936 г.

Моя любимая, дорогая Роза!

Я помню о тебе и шлю ко дню твоего 46-летия свои самые горячие сердечные поздравления и приветы.

Уже четвертый день рождения справляешь ты с нашей Ирмой без меня на дорогой родине, причем на этот раз нам не суждено пережить большую радость свидания в этот день здесь, в Моабите.

Поэтому я хочу, чтобы наша Ирма, твои родные и подруги провели этот день с тобой, все время твердо помня о том, что я среди вас и по-своему справляю его с вами. Радость моя тиха, но глубока. Никогда в жизни я не забуду, что уже четыре раза я провел твой день рождения за решеткой и по какой причине. Что же другое могу я тебе подарить кроме этих слов, полных любви... Кто сражался и принес с собой домой шрамы и раны, тот вооружен против искушений. Мы не можем подкупить судьбу. Только в непрерывной тяжелой борьбе закаляются люди. Ведь борьба — первичный элемент жизни, закон развития... Уверенность в себе, вера в свою

судьбу — вот источники нашей жизни и силы.

Подобно тому как сталь выковывается в пламени горна, так в огне юношеской любви однажды и на всю жизнь выковался наш верный и прочный союз... Наше счастье и горе, наши невзгоды и воля к их преодолению — вот тот материал, из которого мы формируем свою жизнь и который дает нам силу для решения жизненных задач. Жизнь без надежды, как птица без крыльев. Жизнь без любви, как небо без звезд. Именно любовь к тебе, к вам дает мне силы превозмочь и сгладить многие боли и печали, которые приносит нам нынешняя жизнь. Поэтому любовь — та же радость, она, как солнечный луч, светит живущему сквозь все страдания, горести, неудачи и заботы. Любовь — та же доброта, тот же внутренний свет, озаряющий человека и дарящий ему неиссякаемое тепло. Любовь к человеку облагораживается и болью...

Наша юность, военные годы, вся героическая борьба нашей жизни — все это, оживая, проходит передо мной! Вспоминаю давно забытые отдельные события и пытаюсь предугадать будущее... Надежда медленно возвращается ко мне, новая надежда начинает ободрять мое сердце. Кто располагает таким источником жизни, тот счастлив вопреки всем страданиям. Кто обладает в душе таким сокровищем, тот богат. Человек полон дремлющей любви. Счастлив тот, в котором она просыпается и кто умеет сохранять ее живой. Он ищет и находит в себе счастье, чтобы осчаст-

ливить других людей, свет, чтобы озарить их, жизненные силы, живую надежду!

Всегда остается тяжелой задачей передавать на далекое расстояние такие мысли и слова, которые действительны лишь в непосредственной близости...

Для хорошего брака характерны взаимные любовь и доверие, дополнение друг друга, глубокое уважение и прежде всего безусловная верность супругов. Верность — самое драгоценное, что может быть вообще дано человеку, особенно в тяжелые часы жизни, когда ценность верности должна проявляться в тесной сплоченности и солидарности. Наш союз прочно и нерушимо сплочен переживаниями и испытаниями жизни. Если муж и жена живут в двух разных мирах и каждый чувствует себя уютно лишь в своем мире, не испытывая тоски по другому, то счастье их прошло... Наша жизнь преисполнена страданий и любви. Когда же придет решение нашей тяжелой судьбы? Иногда в жизни все быстро меняется... Когда же нам улыбнется радостный час свободы, когда я вернусь на дорогую, любимую родину? Надо обладать мужеством и терпением...

Наша Ирма в одном из своих последних писем ко мне писала: ты не должен печалиться и отчаиваться, но должен всегда помнить о том, что с тобой я и мама и мы всегда думаем о тебе. Доброе утешение и полная любви надежда звучат в этих сердечных словах и придают мне мужества и терпения, чтобы переносить все тяготы вместе с вами... Любимая, дорогая Роза, почки сирени, вло-

женные в письмо,— символ весны и надежды, символ нашего глубокого духовного единства.

Желаю тебе самого лучшего здоровья и от всего сердца поздравляю тебя с днем рождения. Горячий привет нашей Ирме. Большой привет с благодарной любовью и глубокой сердечностью шлет тебе

твой Эрнст.

Берлин, 17 мая 1936 г.

Дорогой друг Рудольф!

Так как в 1936 г. я не получал от тебя писем, что показалось мне очень странным, да к тому же сюда не поступил твой ответ на мое письмо от 26.I с. г., я попросил недавно мою жену поговорить с тобой лично и установить причины твоего загадочного для меня молчания в эти месяцы. На последнем свидании я с удивлением узнал от моей Розы, во-первых, что ты неоднократно писал мне в это время, а во-вторых, что ты вообще не получил мое письмо от 26.I с. г. Я был как громом поражен этим неожиданным известием.

Каким же человеком оказывается заключенный в тюрьме, если его лишают всякой, даже самой малой радости? Здесь действительно часто случаются такие события, которые я воспринимаю спокойно и сдержанно, но глубоко и болезненно переживаю. Безграничное одиночество уже само по себе приводит к тому, что человек здесь сильнее, чем во внешнем мире, ощущает то, что отягощает или ободряет его сердце. Ведь заключенному

хочется перекинуть мост через нежеланную разлуку и возобновить связь с внешним миром, хотя бы только в письмах.

Только тот, кто познал тоску, знает, как она гнетет человека, охватывая его душу до самой глубины. Иногда, полный воспоминаний о родине, в тиши и одиночестве я думаю обо всем. Никогда не умолкающая тоска гложет меня, неотвратимо щемит мне сердце, часто заставляя вспоминать и о тебе. Чем же иным могу я утолить ее, найти себе душевное облегчение, как не письмом к тебе? Чем иным могу я отсюда ответить человеку на его преданность, как не живым, правдивым и искренним письмом? Разве уже запрещено писать другому о том, что чувствуешь здесь, если пытаешься воспроизвести это, соблюдая границы, установленные здешними предписаниями?!

Что же оставила мне судьба, кроме моей дорогой семьи и хороших друзей?.. Уже сама долгая разлука проясняет отношения между людьми. Дружба с детских лет обязывает меня. Ибо образ друга, сливаясь с памятью о незабываемой родине, нерушимо живет во мне как дух дружбы. Чем глубже одиночество заключенного, тем сильнее чувствует он, какое это счастье, что есть еще люди, которые от всего сердца хотят доставить ему радость.

Дорогой Рудольф, сколько весен пронеслось уже над страной с тех пор, как мы в последний раз виделись? Когда же пройдет моя тоска, когда состоится свидание на нашей дорогой родине?

В знак искренней благодарности хочу сообщить тебе здесь содержание моего пропавшего письма от 26.I с. г. [Следует письмо от 26.I].

Берлин, 17 июня 1936 г.

Моя дорогая Роза!

Сегодня пишу тебе, находясь под впечатлением радости, потому что вчера и позавчера мне выдали твое письмо от 21.V, а также твои открытки от 26.V и 3.VI. Также радостно сообщение, что моя открытка от 23.V была отослана тебе. Однако в то же время об отправке моей открытки от 31.V к троицному дню мне ничего не сказали и очень огорчили сообщением о том, что мое письмо к Рудольфу от 17.V вызвало возражения из-за содержания и не было допущено к отправке...

Снова эти строки образуют мост, соединяющий меня с внешним миром, реальность которого для меня уже постепенно начинает исчезать. Даже совсем немногие слова могут способствовать тому, что мы менее болезненно ощущаем разлучающее нас расстояние. Многие из того, что я, к сожалению, лишь в предписанных границах, могу писать и пишу, доставляет мне облегчение, ибо идет от сердца и помогает проложить мост через нежеланную разлуку в нашей жизни. Тот, кто здесь безутешно и беспомощно покоряется «неизбежной» участи, тот уже погиб, он постепенно будет все больше терять силу духа и воли. А тот, кто, к тому же, подобно мне,

оказывается оторванным от бьющей ключом, многообразной жизни, какую я вел на протяжении десятилетий в неустанной и тяжелой борьбе и которая вошла в мою плоть и кровь, тот только тогда сможет победно противостоять обстановке тюремной жизни и ее воздействию на психику, если он смело выступит против неотвратимого и неизбежного. Ибо и эта судьба героическая, она также составляет жизнь, а для меня жизнь всегда была борьбой.

Так письма и открытки, особенно от тебя, а также от других товарищей — это постоянный источник душевного подъема и бодрости, источник новой духовной жизни.

Желаю нашей Ирме наилучшего здоровья и шлю ей самый сердечный привет.

С неизменной верностью приветствует тебя искренне и много раз

твой любящий Эрнст.

Берлин, 14 июля 1936 г.

Мой дорогой шурин Эмиль!

С радостью беру в руки твое письмо, полученное ко дню моего рождения; его, к счастью, еще не отобрали у меня, как почти всю остальную почту, — и наконец-то пользуюсь возможностью, чтобы ответить тебе. Не недостаток времени или некая злая воля помешали мне ответить раньше: окружающая меня тюремная атмосфера, тяготеющий здесь надо мной гнет — таковы основные причины,

которые вновь и вновь вынуждали меня откладывать ответ. Письма, на которые, как на службе, нужно отвечать в короткий срок или даже под давлением, — всегда результат определенного зависимого положения, которое затем отражается и на их содержании. Как известно, писать интересные и содержательные письма — это искусство. Чтобы писать хорошие письма, требуется не только дарование и прирожденный талант, но также известное образование и способность концентрировать мысли, которые, поскольку они очень часто оказываются результатом крайне возбужденной душевной жизни, нельзя заранее привести в порядок, как это делает, например, плотник со своим материалом для возводимого помоста. Мысли вытекают из атмосферы, в которой человек живет, они рождаются из самой глубины его души. [Заклученного] мысли заставляют слушать тюремную тишину, видеть невидимое и превращать самое незначительное событие в чудо переживания. Даже радость, доставляемая узким кругом впечатлений, становится вследствие этого блаженством покоя и созерцания; пожалуй, все люди в какой-то момент жизни ищут такое блаженство, но лишь очень немногие из них в состоянии найти его, как это иногда удается в почти безутешном одиночестве тюремной камеры...

Так часто появляются письма, содержание которых отражает постоянное, живое и трагическое, проявляющееся в душевной жизни заключенного. Потому что, пожалуй, нет большего трагизма в жизни заключенного,

жаждущего свободы, чем полная оторванность от мира, изоляция, строго проводимая в силу режима заключения. Но только тот сможет это прочувствовать и в конечном счете понять, кто действительно способен войти в положение человека, находящегося уже свыше 40 месяцев в одиночном заключении со строгой изоляцией, и проявить к этому глубоко человеческое отношение... Свыше 40 месяцев я оторван от живой жизни народа, окружен четырьмя тоскливыми голыми стенами и железными прутьями решетки, которые ежедневно встают у меня перед глазами, замыкая мою трагическую судьбу в этом тюремном мире. Люди, у которых еще не угасли сердце и душа, а в жилах еще бьется горячая кровь, такие люди, к которым принадлежу и я, не могут не испытывать на себе воздействие всего этого гнета и мрака, всех этих ударов судьбы. Безграничное одиночество уже само по себе приводит к тому, что человек сильнее, чем во внешнем мире, чувствует все то, что гнетет или бодрит его сердце. Несмотря на все это, в мужественном человеке достойна удивления его способность стойко выносить то, что может поколебать.

Дорогой Эмиль, вот уже пять весен пролетели над страной, как мы не виделись и не беседовали. Каких только изменений не произошло за это время у вас, у нас, в Германии, во всем мире!.. Это было время величайших событий, хотя оно и исчисляется лишь немногими годами.

В течение этого времени в нашем узком семейном кругу появились прискорбные бре-

ши: твоего отца, моего отца больше нет, мы их безвременно утратили. В октябре 1933 г. на меня обрушилась глубоко потрясающая, скорбная весть о том, что мой горячо любимый отец внезапно скончался от кровоизлияния в мозг. В начале этого года меня постиг новый удар — смерть твоего доброго отца, моего дорогого тестя. Легкая смерть избавила его от мучительных страданий; все мы с глубокой скорбью переживаем эту утрату.

В родной земле, на тихом кладбище в Ольсдорфе, покоятся они оба. Их места в нашем кругу опустели; но мы будем всегда с глубочайшим уважением помнить о них.

Когда началось жестокое и тяжелое испытание в моей жизни, моя дочь, моя горячо любимая Ирма, еще училась в народной школе. В настоящее время она вот уже свыше двух лет учится в гамбургской школе домоводства, тогда как я, отец, в ее лучшие годы юности не мог непосредственно участвовать и помогать в воспитании, правда, если не считать писем, которые я посылал из тюрьмы и которые оказали большое влияние на воспитание и формирование характера.

Дорогой шуриц, так идут годы, и воспоминания о былом как живые проходят перед нами. Дети вырастают, становятся более зрелыми и самостоятельными. Что еще им и нам предстоит в жизни, никто не может знать и предсказать.

Твоя любимая сестра, моя мужественная Роза, моя подруга в жизни и борьбе, верно и стойко помогает мне, терпеливо и мужественно перенесла вместе со мной все тяжкие

и жестокие испытания. Почти одновременно с началом мировой войны, в ужасной пучине которой проявились все виды страданий, самопожертвования, верности и товарищества, какие только можно себе представить, началась наша молодая супружеская жизнь; первая многолетняя разлука была вызвана войной. В послевоенные годы можно было насчитать не много свободных часов, которыми я располагал для своей счастливой семейной жизни. Но длительное тюремное заключение, которому я подвергаюсь и которое против воли разлучает нас, — это человеческая драма, трагическое переживание. Эта принудительная разлука, подтачивающая самую основу жизни, жестока и горька, потому что терзает двух людей, которые как муж и жена всегда были неразрывно связаны и сплочены глубоким сердечным союзом.

Дорогой шурин, нравится ли тебе и твоей семье новый собственный дом, который ты сам выстроил в поселении на городской окраине? Да, каждый день выполнять тяжелую работу по специальности и в то же время построить себе поселенческий дом — это не только благодарная, но и тяжелая задача. Чтобы освоить пустошь и в самый короткий срок сделать ее доходной, нужны прилежание и настойчивость. Как ты пишешь, всем в семье пришлось взяться за дело, чтобы выполнить эту работу с успехом. Ведь дело идет о повседневной борьбе с целиной, о тяжелом труде для того, чтобы благодаря поселенческому хозяйству добиться в дальнейшем косвенного повышения жизненного уровня. Но

в то же время поселенец часто может найти в работе и утешение от всех неудач. Возделывать земельный участок в 1400 кв. м наряду с повседневной работой по специальности, как ты собирасшься,— это весьма смелое предприятие, чрезвычайно большая задача, требующая многих усилий, жертв и тяжелого труда. Рабочий, служащий, чиновник, получающие заработную плату низшего и среднего уровня, не всегда в состоянии покупать в достаточном количестве продовольствие и прежде всего овощи и фрукты. Поселение, возможно, приведет к некоторому решению этого вопроса. Питание семьи станет дешевле и обильнее. Земельные участки дадут некоторую часть продовольствия. В целом подсчитывают, что в благоприятном случае семья, имеющая участок в 1000 кв. м, сможет сама покрыть свою потребность в картофеле, овощах и ягодах, однако при этом предполагают, что участок уже так подготовлен и обработан, что при самом старательном ведении хозяйства урожай зависит в основном лишь от качества земли и особенно от милости природы. Желаю вам всего хорошего, наилучших успехов и прежде всего счастья в этой трудной работе.

Как поживает твоя супруга? Как у жены поселенца, жребий ее тяжел, а ответственность велика. Помнит ли она еще те дни, которые провела в Гамбурге, когда заезжала туда на время? Я знаю, что такие воспоминания не так легко изглаживаются из памяти, так или иначе навсегда остаются незабываемыми. С радостью получил и сохранил фо-

тографию твоей старшей дочери — Марго. А младшей, маленькой Эдит, уже больше 10 лет! Обе уже могут помогать вам в обработке земли и поселенческой работе и делом поддерживать вас...

Нет ничего более трагичного в жизни заключенного, чем тайный голод по вольным просторам природы и тоска по свободе! Хорошо счастливицу, которого не терзает эта душевная мука! Когда же засияет мне весна золотой свободы?

Я с радостью передал моей Розе присланный тобой привет от твоей сестры.

Настоятельно прошу тебя исполнить мое скромное пожелание: напиши Розе и Ирме письмо или открытку, этим ты доставил бы им большую, неожиданную радость.

В ответ на твое письмо и ваш самый сердечный привет прими эти строки с выражением моей глубочайшей благодарности. Надеюсь и желаю, чтобы это письмо застало вас здоровыми и бодрыми!

Много самых горячих сердечных приветов твоей Грете, Марго и младшей Эдит.

Тебя помнит, верно и горячо приветствует твой любящий зять *Эрнст Тельман*.

[Берлин, 13 и 25 июля 1936 г.]

[Выдержки из письма Эрнста Тельмана от 13 июля 1936 г. и его открытки от 25 июля 1936 г., адресованных жене Розе]

...Сегодня пишу тебе под впечатлением радостной вести, которую принесли газеты из

Австрии. 23 июля 1936 г. согласно телеграфному сообщению примерно для 10 тысяч политических борцов, до сих пор находившихся в Австрии в заключении, открываются двери тюрем... Кормильцы возвращаются домой к своим семьям, дети встречают своих отцов, жены — мужей, родители — детей, сестры — братьев, родные, друзья и знакомые приветствуют освобожденных из тюрем. Почти все политические заключенные получили свободу, независимо от их политических убеждений. Кроме того, указывается число прекращенных уголовных дел — 10 тысяч. В заключении продолжают оставаться 224 коммуниста, 111 социал-демократов и 114 национал-социалистов. Как безмерно счастливы все, освобожденные от «регулируемой жизни» — этой тюремной неволи... Продолжая томиться здесь, в тюремном мире «регулируемой жизни», и выдержанно, хотя и с горечью, перенося свою судьбу, я почти ежедневно размышляю над новыми предписаниями, но никак не могу объяснить их себе и найти какие-нибудь обоснованные причины, которые могли бы служить поводом для этих изменений. Последний разговор, состоявшийся в твоём присутствии, ещё больше укрепил мои впечатления о том, что нет почти никаких действительно убедительных аргументов в пользу необходимости проведения этих мероприятий...

Правда, на этот раз мне посчастливилось, что выдали твоё письмо, тогда как моё письмо к тебе от З. VII вызвало возражения и не было отправлено главным образом на том

шему будущему. Это — железный закоп. Относись с глубоким уважением к наставлениям своей матери. Старайся критически разбираться во всех впечатлениях, которые ты получаешь и сообразуй их со своим чувством и рассудком. В пору моей юности самые незначительные переживания тоже часто направляли мои поступки. Но великие события и факты еще в ту пору навсегда глубоко запали мне в душу и определили мою позицию в обществе.

Крупная забастовка портовых рабочих в Гамбурге перед войной была той первой социально-политической битвой, которая навсегда запечатлелась в моем сердце. Процесс Дрейфуса во Франции, англо-бурская война — эти события оказали большое влияние на формирование моей будущей жизни и деятельности. Читай произведения наших великих поэтов — Гёте, Шиллера, Лессинга и нашего Фрица Рейтера. И если тебя захватит идея, воодушевись ею. Ибо Человек должен обладать способностью воодушевляться. Иначе где же ему взять силу, для того чтобы бороться и уметь понимать других людей?.. Я не могу находиться рядом с тобой и вести и направлять тебя, но мысленно я всегда с тобой и сопровождаю тебя в пути...

[Берлин, декабрь 1936 г.]

[Из письма Эрнста Тельмана жене Розе]

...В этом году, так же как в прошлом, мы вновь надеемся, что скоро справим рождество

вместе. Ведь рождество — особый праздник. В эти дни люди особенно чувствуют свою родственность не столько благодаря преподнесениям и подаркам, сколько в силу общей надежды на возвращение света солнца. Дело в том, что наши представления о пробуждении природы и возвращении весны больше всего соответствуют языческим обрядам празднества солнцеворота. Хотя церковь и узурпировала именно это празднество, чтобы привязать людей к своим церковным праздникам, но ведь первоначально люди справляли его по причинам, не имевшим ничего общего с учением церкви.

У нас в Гамбурге рождественская неделя начинается с соборного праздника, единственного в своем роде. История собора насчитывает свыше 1000 лет. Раньше праздник носил более религиозный характер, который ныне полностью утрачен. Собор пользуется огромной популярностью. Не говоря уже о его экономическом значении для города Гамбурга (приток иностранцев и т. д.), можно вполне сказать, что каждый третий гамбуржец посещает собор. Здесь, в этой пестрой суматохе соборного праздника с его морем огней и бесчисленными развлечениями, живет настоящий патриотизм гамбуржцев. Правда, об этом патриотизме много и часто разглагольствуют те люди, которых никогда не встретишь там, где действительно находится его родной очаг. Соборный праздник — традиция, которой гамбуржец вообще очень придерживается. Не следует забывать и о том цепком купеческом духе, который умеет использовать сотни спо-

собор, чтобы превращать соборный праздник в самое крупное рождественское торговое предприятие. Надо надеяться, что вы и на этот раз не упустите возможности и посетите собор.

Как я вижу из газет, в Гамбурге опять был сильный шторм, причинивший большой ущерб. Брандер «Эльба I» и теплоход «Изида» затонули. Это лишний раз показывает, как тяжела профессия моряка. С парохода, затонувшего у Боркума, спасен только корабельный юнга, который до последнего героически боролся с волнами.

Как ни тяжела жизнь, которую мне приходится вести здесь за этими тоскливыми стенами, я все же чувствую себя достаточно сильным, чтобы вынести ее. Пережить это время — моя судьба, и если она меня иногда ужасно гнетет, я вспоминаю внешний мир или слова Целлера: «Вы можете отнять у нас любимых, но из нашего сердца вам их не вырвать». Чье сердце полно любви, тот, как броней, защищен от страданий. Когда-нибудь придут и для нас лучшие дни и мы сможем лишь вспоминать о том, что сегодня волнует нас до глубины души...

■

[Берлин, январь 1937 г.]

[Из письма Эрнста Тельмана жене Розе]

...Как глубоко ты понимаешь мое положение и как богата переживаниями наша совместная жизнь — это так живо предстало передо мной из твоего письма и так порадовало меня, как уже давно не случалось. Вот уже пятое рождество провожу я здесь, за глухими тюремными стенами. Только что надзиратель — сейчас вторая половина дня — запер камеру. Вокруг меня мертвая тишина. Смотрю в окно и думаю о любимом родном городе. Наступают часы раздумий и внутренней борьбы. Мой путь предначертан, как бы суров он ни был. Пройти его мне помогает мой твердый и непоколебимый характер. Тяжко переносить повседневное унижение и попрание человеческого достоинства. Но эта борьба за его сохранение — мой удел.

■

Берлин, 3 марта 1937 г.

Мои дорогие Роза и Ирма!

...Сегодня ровно четыре года, как я нахожусь в строжайшей, почти неопикуемой изоляции и непрерывном тяжком одиночном заключении... Отрезанный от живой жизни не-

мецкого народа, отделенный от реального мира железными прутьями решетки — так провел я эти годы мучительной тюремной жизни. На этом тернистом жизненном пути мне довелось пройти через все страдания, порой испытывая потрясения, доходящие до самой глубины сердца. Ныне самое тяжелое и горькое у меня уже позади.

В добавление к этому на меня обрушились еще и другие суровые удары судьбы: смерть моего любимого незабываемого отца глубоко потрясла меня, смерть ставшего мне дорогим тестя принесла новые часы, полные скорби. Увы, мне не позволили отдать им последние почести.

В этих мучительных обстоятельствах мне доставляло большое утешение знать, что ты, дорогая Роза, до последнего времени была здорова. Инцидент и серьезное сообщение, последовавшие во время предпоследнего свидания, очень огорчили меня. Можешь мне поверить, что я вместе с тобой чувствую твои страдания, так же как и ты постоянно переживаешь за мою судьбу. Будем надеяться, что тебе можно не опасаться ничего худшего!

Можно ли вообще вынести все это без серьезных последствий? Чем дольше размышляешь над этим, тем более непостижимым становится это. А с каким терпением и упорством я переношу все! Подумайте, сколько нужно усилий над самим собой, чтобы справиться с этими и всеми остальными ударами судьбы! Какая все же колоссальная пропасть между жизнью на свободе, во внешнем мире, и жизнью в этом подневольном и мрачном

тюремном мире! Как много страданий вынужден годами терпеть заключенный, не будучи в состоянии ни ослабить, ни предотвратить их! Разве поэтому не становится тем более понятным, что заключенный воспринимает и переносит те или иные тяготы гораздо тяжелее и мучительнее, чем человек, живущий на свободе, который в трудные часы жизни все же может искать и находить себе прибежище в перемене обстановки?

Несмотря на энергичное сопротивление и железную силу воли, проявляемые стойким заключенным, он не всегда в состоянии воспрепятствовать безысходной обстановке тюремной жизни, им овладевают тоска и мука, которые впиваются в сердце и непрерывно терзают и подтачивают душу. Терпение как активное подчинение неизбежному порой восстает против слишком жестокой судьбы, но единство страсти и рассудка помогает мне легче преодолевать тяжелое состояние.

Часто приходится максимально напрягать всю силу духа и характера и полностью уходить в себя, чтобы преодолеть власть судьбы и не поддаться ей. Каждое преодоленное страдание прибавляет силы, увеличивает поток жизненной энергии. Даже если страдание тяжело, нужно стараться побороть его с помощью жизненной энергии и душевной силы, ибо и в страданиях жизнь все же сохраняет свою ценность. Иной человек лишь в пучине страданий открывает самого себя, открывает в себе такие глубины, о которых не подозревал, открывает в этих глубинах такие сокровища, которые возвышают и вдохновляют его.

Именно в отношении человека ко всей судьбе, в его уверенности в себе, постоянно и неразрывно связывающей должное и желаемое, и во всей мужественности его характера раскрывается его героическая сущность.

Годы ничем не прерываемого одиночества все прочнее замыкали меня в определенном, отграниченном мире представлений. Как часто в моем воображении протекает этот поток обстоятельств, впечатлений, да и событий! Жизнь становится тогда, как сон, сон — как жизнь. Как дуновение, плывет этот сон над землей и людьми, картинками и драмами, судьбой, природой, жизнью и верой. В нем скрадываются вчерашние часы, а прошлые события и человеческие судьбы выступают на передний план, далекие и тем не менее близкие мысли проносятся, чтобы на мгновение превратиться в воспоминание...

Воля к самоуважению и самоутверждению, обнаруживающаяся в человеке, дает ему силу сопротивляться, чтобы не быть раздавленным судьбой. Ибо дуб остается дубом, где бы он ни рос. Какая неумолимо жестокая судьба с ее потрясающей повестью о страданиях, которые человек перенес, пройдя через самые тяжелые испытания на протяжении четырех лет заключения! Однако есть много людей, которым суждено нести и терпеть такое же бремя, как и мне.

Уже начинается пятый год заключения, а я не знаю, когда же придет конец этой муке!..

Представляется весьма вероятным, что с предстоящим введением в силу закона о но-

вых положениях уголовного права в Германии будет объявлена широкая амнистия. Как знать, попаду ли я в эту армию счастливых? Хотя на этот раз надежда гораздо реальнее, чем это было до сих пор.

Так проходит год за годом. Наша Ирма все взрослеет, а вот воспитание со стороны отца в желаемой степени оказывается невозможным. Поэтому, дорогая Ирма, тем больше старайся к чести своей любимой матери и к радости своего отца вырасти простой и скромной девушкой с твердым характером, с доброй и чистой душой! Для меня будет двойной радостью, когда я вновь обрету свободу, найти тебя стойкой и обладающей чувством собственного достоинства. Будь здорова и оставайся честной и смелой!

Горячие искренние приветы шлет вам от всего сердца

ваш любящий Эрнст.

[Берлин], 22 марта 1937 г.

Моя дорогая Роза!

27.III — день, когда ты справляешь свое 47-летие. Уже в пятый раз ты празднуешь этот день далеко от меня. Судьба не хочет, чтобы мы отпраздновали его вместе на родине. Но в этот день я тем ближе к тебе в своих сокровенных мыслях, тем более с тобой в своей сердечной тоске. Лишь тот, кто знает, что такое тоска, поймет, как я страдаю!

В качестве подарка ко дню рождения посылаю тебе это письмо... Мы с тобой давно

привыкли все делить друг с другом, будь то горе, будь то радость... История нашего брака началась в вильгельмовские времена, мы пережили годы мировой войны и весь веймарский период, а теперь переживаем последнюю, донныне самую тяжелую пору в нашей судьбе. Попытка описать отдельные переживания истекших лет борьбы завела бы слишком далеко, однако мы знаем одно: наша жизнь не только отличается глубоким нравственным богатством, но и наполнена многосторонним опытом, который мы приобрели в самых различных областях в течение многих лет. И этот огромный опыт, эти бесценные сокровища мы накапливали не в отрыве от жизни и труда народа, а в самой гуще повседневной жизни трудового народа, в потоке жизни мы учились самостоятельно плавать и при этом приобрели немалое знание людей... Именно эта жизнь укрепила наши характеры, так тесно и верно связала нас друг с другом и создала наш полноценный брачный союз. В таком браке, в котором жена является боевой соратницей мужа, как, само собой разумеется, у нас, действительно возвышаешься над всей властью судьбы, потому что пережить такое счастье, хотя бы лишь узнать его, отнюдь не часто достается на долю человека... В результате таких взаимоотношений супругов, при которых один дополняет и обогащает другого и каждый одновременно дает и берет, возникает то подлинное взаимное единение, которое не может быть достигнуто лишь в результате совместной жизни. Нужно самому испытать это, чтобы знать, как сильно влияет

такой брак, как много дает он нам, какая сила вырастает в нас благодаря ему, — и тогда тем более пожалеешь всех тех, кому не выпало на долю такое счастье... Наша любовь составляет те узы, которые все крепче объединяли нас, особенно в тяжелые времена.

Лишь в счастливом и духовно здоровом браке может и ребенок вырастать так, чтобы самому приобрести средства и внутреннюю силу для самостоятельного формирования своей будущей жизни. Какой же счастливой можно считать нашу Ирму!..

С бьющимся сердцем переживаю я здесь мрачные и радостные картины жизни. Иногда, погружившись в мысли, я хожу по улицам юношеских лет и ищу то счастье, в котором отказывает нам настоящее... Часто в такую пору страданий за недели и месяцы познаешь больше, чем в иное время за годы и десятилетия... Здесь, в этой тюремной тишине, я тешу себя надеждой, что не поддамся судьбе, под гнетом которой мне суждено страдать... Однако желание еще не есть свершение. Лишь человек, уже закалившийся в перепесении собственных страданий, может помочь переносить страдания и другим людям. Ибо его страдание — это не что иное, как охватывающая его частица всеобщего бремени страданий, и лишь благодаря собственному страданию он внимательнее относится к страданиям других людей...

В этом году весна долго заставляет себя ждать и медленно дает себя чувствовать в жизни природы. В прошлом году в это время почки сирени уже распускались. Сейчас

они еще закрыты и с тоской ждут теплых дней и властного весеннего солнца. Поэтому сегодня мне, к сожалению, не придется вложить в письмо тебе в подарок почки сирени, как в такой же день в прошлом году. Посылаю тебе в этом письме три сверкающих прекрасных осенних листка, прими их в утешение и как знак моей благодарности за все. Эти листья, пронизанные красными жилками, символизируют созидательную силу прекрасной природы, в которой жизнь, даже умирая, способна оставлять после себя [свои проявления].

Будем надеяться, что скоро придет такая весна, когда я сам смогу преподнести тебе первые цветы радости. С этой надеждой от всего сердца поздравляю тебя с днем рождения и шлю тебе самые горячие пожелания счастья. Пусть это письмо доставит тебе тихую радость как знак нашей взаимной верности и прочного союза...

И этот шепот слышен мне,
Ах, для любви глубокой
Пространства нет! Здесь в тишине,
В темнице одинокой,
Когда тоска мне давит грудь,
Шепчу и я: «О, не забудь!»
И к жизни возвращаюсь¹.

С благодарной верностью и незабываемой любовью шлет тебе горячий сердечный привет

твой любящий Эрнст.

¹ *И. В. Гете. Собр. соч., т. IX. Слб., 1879 г., стр. 31. (Из баллады «Чудесный цветок. Песнь пленного графа». Перевод Ф. Миллера).— Прим. перев.*

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 1

Копия —
в место заключения.

[Шифр дела]
14а/8 151/28
2. Гав. 214/35
2. II. 5/35

РЕШЕНИЕ

по уголовному делу транспортного рабочего Эрнста Тельмана, обвиняемого в заговоре и призыве к государственной измене

2-й сенат палаты народного суда на своем заседании 1 ноября 1935 г. по предложению верховного прокурора

постановил:

обвиняемый Тельман — при сохранении в силе приказа об аресте только ввиду подозреваемой возможности побега — освобождается от дальнейшего отбывания предварительного заключения.

После освобождения обвиняемый обязывается ежедневно являться в соответствующий полицейский участок по месту пребывания.

Брунер

Вайс

д-р Цигер

(Печать)
Господину
Эрнсту Тельману
Берлин — Моабит

Составлено
в Берлине 1 ноября 1935 г.
Делопроизводитель 2-го сената
палаты народного суда
Кнеллинг, судебный советник

Прусская тайная
государственная полиция,
Заместитель начальника
и инспектора
В.— № 58119/35 II. 1 A I

Берлин, 1 ноября 1935 г.
Господину Эрнсту *Тельману*,
в настоящее время *Берлин — Моабит*

На основании § 1 декрета рейхспрезидента о защите народа и государства от 28 февраля 1933 г. (RGVL. I. S. 83) постановляю настоящим, что в интересах общественной безопасности Вы подлежите содержанию в заключении впредь до особого распоряжения.

ОСНОВАНИЯ:

До Вашего ареста, последовавшего 3.III.1933 г., Вы являлись лицом, ответственным за руководство Коммунистической партией Германии.

В интересах поддержания общественной безопасности и порядка Вы подвергнуты превентивному заключению, поскольку в случае освобождения Вы, несомненно, снова стали бы действовать в коммунистическом духе.

Исполняющий обязанности
Гейдрих

(Печать)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие к немецкому изданию</i>	4
Розе Тельман, 8 марта 1933 г.	14
Розе Тельман, 18 марта 1933 г.	15
Иоганнесу Тельману, 18 марта 1933 г.	17
Розе Тельман, 25 марта 1933 г.	19
Иоганнесу Тельману, 25 марта 1933 г.	21
Иоганнесу Тельману, 8 апреля 1933 г.	22
Розе Тельман, 24 апреля 1933 г.	24
Иоганнесу Тельману, 1 мая 1933 г.	25
Розе Тельман, 23 мая 1933 г.	28
Ирме Тельман, 3 ноября 1933 г.	30
Розе Тельман, 17 декабря 1933 г.	31
Розе Тельман, 5 апреля 1934 г.	32
Розе Тельман, 8 июля 1934 г.	34
Розе Тельман, 19 августа 1934 г.	39
Розе Тельман, 26 сентября 1934 г.	41
Розе Тельман, 24 октября 1934 г.	44
Ирме Тельман, вероятно 1934 г.	48
Ирме Тельман, ноябрь 1934 г.	55
Розе Тельман, 13 января 1935 г.	59
Розе Тельман, 10 февраля 1935 г.	75
Розе Тельман, 3 марта 1935 г.	81
Розе Тельман, 22 апреля 1935 г.	86
Розе Тельман, 20 мая 1935 г.	90
Розе Тельман, 10 июня 1935 г.	93
Розе Тельман, 18 августа 1935 г.	95
Розе Тельман, 27 августа 1935 г.	99
Розе Тельман, 21 октября 1935 г.	100
Ирме Тельман, конец октября — начало ноября 1935 г.	106
Розе Тельман, 15 ноября 1935 г.	107
Розе Тельман, конец 1935 г. — начало 1936 г.	118
Карлу Рудольфу, 26 января 1936 г.	121

Розе Тельман, начало марта 1936 г.	128
Розе Тельман, март 1936 г.	130
Карлу Рудольфу, 17 мая 1936 г.	133
Розе Тельман, 17 июня 1936 г.	135
Эмпию Коху, 14 июля 1936 г.	136
Розе Тельман, 13 и 25 июля 1936 г.	142
Ирме Тельман, конец октября — начало ноября 1936 г.	145
Розе Тельман, декабрь 1936 г.	146
Розе Тельман, январь 1937 г.	149
Розе и Ирме Тельман, 3 марта 1937 г.	—
Розе Тельман, 22 марта 1937 г.	153
<i>Приложения</i>	157

■

Эрнст Тельман

ПИСЬМА ИЗ ТЮРЬМЫ
РОДНЫМ И БЛИЗКИМ

Перевод с немецкого
П. Сановича, Г. Ковганкина

■

Редактор *Т. Г. Климова*

Художник *Е. С. Васильев*

Художественный редактор *И. Н. Симагин*

Технический редактор *Е. И. Каржавина*

Сдано в набор 24 апреля 1968 г. Подписано в печать 15 августа 1968 г. Формат 70 × 90^{1/32}. Бумага типографская № 1. Услови. печ. л. 6,0. Учетно-изд. л. 5,26. Тираж 90 тыс. экз. Заказ № 1443. Цена в обложке 23 коп., в суперобложке 25 коп.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография «Красный пролетарий»,
Москва, Краснопролетарская, 16.

23 коп.

